

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ—1 я () Цѣна годовому изданію, съ дере-
16 чисель. Подписка принимается въ ()сылкою и доставкою на домъ 4 руб.
Редакціи Волынскихъ Епархіальныхъ () 50 коп. сер. Безъ пересылки и безъ
Вѣдомостей, въ городѣ Кременшѣ. () доставки на домъ 3 руб. 50 коп. сер

1 Октября № 19 1874 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

— Отъ 14 Августа 1874 года за № 49 съ приложе-
ніемъ Высочайше утвержденной новой формы возно-
шенія на эктеніяхъ Высочайшихъ именъ Августѣй-
шей фамилии, по случаю бракосочетанія Его Импера-
торскаго Высочества Великаго Князя ВЛАДИ-
МИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА съ Ея Великогерцогскимъ
Высочествомъ Герцогинею Маріею Мекленбургъ-Шве-
рнскою.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
святѣйшій правительствующій Синодъ слушали предложен-

ный господиномъ исправляющимъ должность Синодальнаго оберъ-прокурора Высочайше утвержденный, въ 10 день августа сего года, по случаю бракосочетанія Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ, Герцогинею Маріею Мекленбургъ-Шверинскою, проэктъ новой формы возношенія на великой эктениі Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи. Приказали: предписать печатными указами московской и грузино-имеретинской святѣйшаго синода конторамъ, синодальнымъ членамъ и прочимъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ, а также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ впредь во всѣхъ священподѣйствіяхъ на эктенияхъ и другихъ, гдѣ слѣдуетъ, мѣстахъ, при возношеніи Высочайшихъ именъ Августѣйшей Фамиліи, провозглашать, согласно съ Высочайше утвержденною новою формою, послѣ именъ Ихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Георгія Александровичей, такъ: о Благовѣрномъ Государѣ, Великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ и о супругѣ Его, Государынѣ Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Для сего препроводить, при посылаемыхъ указахъ, потребное количество экземпляровъ упомянутой Высочайше утвержденной формы; сей же формы отослать одинъ экземпляръ въ правительствующій сенатъ при вѣдѣніи.

ФОРМА.

На великой эктениі.

Ѡ Блгочестнѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ, Великому Гдѣ нашему ІМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВИЧѢ ВСЕА РУССІИ, и Ѡ Супругѣ ЕГѠ, Блгочестнѣйшей Гдѣнѣ ІМПЕРА-

ТРІЦЬ МАРІИ АЛЕΞАНДРОВИЧЬ: ѿ Наслѣд-
 никѣ ЕГѠ, Блговѣрномз Гдрѣ Цесаревичѣ и Ве-
 ликомз Кнзѣ АЛЕΞАНДРѣ АЛЕΞАНДРОВИЧѣ
 и ѿ Свпрѣгѣ ЕГѠ, Блговѣрною Гдрѣ Цесаревичѣ
 и Великой Кнгинѣ МАРИИ ѠЕОДѠРОВИЧЬ: ѿ
 Блговѣрныхз Гдрѣхз, Великихз Кнзѣхз: НІКОЛАѢ
 и ГЕѠРГІИ АЛЕΞАНДРОВИЧАХЗ: ѿ Блговѣр-
 номз Гдрѣ, Великомз Кнзѣ, ВЛАДИМІРѢ
 АЛЕΞАНДРОВИЧѣ и ѿ Свпрѣгѣ ЕГѠ,
 Гдрѣ, Великой Кнгинѣ МАРИИ ПАВЛОВИЧЬ:
 ѿ Блговѣрныхз Гдрѣхз, Великихз Кнзѣхз:
 АЛЕΞИИ, СЕРГІИ и ПАВЛА АЛЕΞАНДРОВИ-
 ЧАХЗ: ѿ Блговѣрномз Гдрѣ, Великомз Кнзѣ
 КѠНСТАНТІИ НІКОЛАЕВИЧѣ и ѿ Свпрѣгѣ
 ЕГѠ, Блговѣрною Гдрѣ, Великой Кнгинѣ АЛЕ-
 ΞАНДРѢ ІѠСИФОВИЧЬ: ѿ Блговѣрныхз Гдрѣхз,
 Великихз Кнзѣхз: НІКОЛАѢ, КѠНСТАНТІИ,
 ДИМИТРИИ и ВАЧЕСЛАВѢ КѠНСТАНТІ-
 НОВИЧАХЗ: ѿ Блговѣрномз Гдрѣ, Великомз
 Кнзѣ НІКОЛАѢ НІКОЛАЕВИЧѣ и ѿ Свпрѣгѣ
 ЕГѠ, Блговѣрною Гдрѣ, Великой Кнгинѣ АЛЕ-
 ΞАНДРѢ ПЕТРОВИЧЬ: ѿ Блговѣрныхз Гдрѣхз,
 Великихз Кнзѣхз: НІКОЛАѢ и ПЕТРѢ НІКО-
 ЛАЕВИЧАХЗ: ѿ Блговѣрномз Гдрѣ, Великомз
 Кнзѣ МІХАИЛѢ НІКОЛАЕВИЧѣ и ѿ Свпрѣгѣ
 ЕГѠ, Блговѣрною Гдрѣ, Великой Кнгинѣ ѠЛГѢ
 ѠЕОДѠРОВИЧЬ: ѿ Блговѣрныхз Гдрѣхз, Вели-

КНХЪ КНЗѢХЪ: НІКОЛАѢ, МІХАИЛѢ, ГЕОРГІИ,
 АЛЕКСАНДРѢ И СЕРГІИ МІХАЙЛОВНАХЪ: ѿ
 БЛГОВѢРНЫХЪ ГДѢНАХЪ: БЕЛИКОИ КНГІИѢ МАРИИ
 АЛЕКСАНДРОВНѢ и ѿ СЪПРЪГѢ ЕА: ѿ КОРОЛЕВѢ
 ЕЛЛИНОВЪ ОЛГѢ КИОНСТАНТИНОВНѢ и ѿ
 СЪПРЪГѢ ЕА: ѿ БЕЛИКОИ КНГІИѢ ВѢРѢ КИОН-
 СТАНТИНОВНѢ и ѿ СЪПРЪГѢ ЕА: ѿ БЕЛИКОИ
 КНЖИѢ АНАСТАСІИ МІХАЙЛОВНѢ: ѿ БЕЛИКОИ
 КНГІИѢ МАРИИ НІКОЛАЕВНѢ: ѿ КОРОЛЕВѢ Вир-
 тембергской ОЛГѢ НІКОЛАЕВНѢ и ѿ СЪПРЪГѢ
 ЕА: ѿ БЕЛИКОИ КНГІИѢ СВЯТЕРІИѢ МІХА-
 ИЛОВНѢ и ѿ СЪПРЪГѢ ЕА: ѿ ВСЕЙ ПАЛАТѢ и
 ВОИИТѢВѢ НХЪ ГДѢ ПОМОЛНИКА.

Къ семѹ должно примѣнаться на проскомидіи и на
 БЕЛИКОМЪ ВХОДѢ.

— Отъ 17 Августа 1874 года за № 50, съ прила-
 жениемъ Высочайшаго Манифеста о совершившемся
 бракосочетании Его Императорскаго Высочества
 Великаго Князя ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
 съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ, Герцогиней
 Марією Мекленбург-Шверинскою. (1)

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
 Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ сооб-
 щенный при вѣдѣніи Правительствующаго Сената печат-
 ный экземпляръ Высочайшаго Его Император-
 скаго Величества Манифеста, состоявшагося въ 16

(1) Высочайшій Манифестъ напечатанъ въ 18 № Вол.
 Епархіальныхъ Вѣдомостей.

день Августа сего года, по совершившейся бракосочетаніи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ Герцогинею Марією Мекленбургъ-Шверинскою. Приказали: О всерадостномъ торжествѣ благополучно совершившагося бракосочетанія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ; Великою Герцогинею Марією Мекленбургъ-Шверинскою, объявивъ указами Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторамъ, Синодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Главнымъ Священникамъ Гвардіи и Гренадеръ и Арміи и Флотовъ, а также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ, предписать имъ: по предварительномъ сношеніи съ гражданскими начальствами, прочтя во всѣхъ городскихъ, соборныхъ и приходскихъ церквахъ, въ первый, по полученіи сихъ указовъ, а въ сельскихъ и монастырскихъ въ первый же Воскресный или праздничный день, Высочайшій Манифестъ предъ Литургією, отправить торжественное благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и трехдневнымъ звономъ (кромѣ тѣхъ церквей, гдѣ такое уже совершено по особому распоряженію); для сего препроводить, при посылаемыхъ указахъ, потребное количество экземпляровъ Высочайшаго Манифеста.

Отъ 9 Іюля 1874 года за № 59, по принятіи въ качествѣ учебнаго руководства въ духовныхъ Семинаріяхъ Теорико-практическаго учебника французскаго языка И. Игнатовича.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложенный Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 101, изъ составленномъ учителемъ 1-й С. Петербургской военной гимназіи В.

Игнатовичемъ «Теоретико-практическомъ учебникѣ французскаго языка» (въ рукописи). Приказали: Заключение Учебнаго Комитета о принятіи «Теоретико-практическаго учебника французскаго языка» г. Игнатовича въ учебное руководство по сему предмету въ духовныхъ Семинаріяхъ, въ замѣнь принятаго прежде учебника Марго, на изложенныхъ Комитетомъ основаніяхъ, утвердить, и для объявленія о семъ Правленіямъ духовныхъ Семинарій, къ надлежащему исполненію, препроводить при печатномъ указѣ епархіальнымъ Архіереямъ, въ копіи, самый журналъ Комитета.

ЖУРНАЛЬ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТЫЙШЕМЪ СУНОДѢ, ЗА №

101-мъ

О составленномъ преподавателемъ 1-й С.-Петербургской военной гимназій В. Игнатовичемъ «Теоретико-практическомъ Учебникѣ французскаго языка (въ рукописи)».

Составитель учебника просить ввести оный въ качество учебнаго руководства по французскому языку въ духовныхъ семинаріяхъ, изъясняя при о семъ, что означенный учебникъ можетъ замѣнить употребляющіяся нынѣ въ духовныхъ семинаріяхъ учебныя книги по французскому языку: Марго и Бастена, такъ какъ онъ заключаетъ: 1) руководство для строго послѣдовательнаго изученія формъ языка совмѣстно съ матеріаломъ преимущественно языка литературнаго, — отдѣлъ, соразмѣренный вполне съ количествомъ уроковъ въ семинаріяхъ для иностранныхъ языковъ; 2) грамматическія объясненія къ этому отдѣлу, отличающіяся трезвой краткостью, но вмѣстѣ и полною въ отношеніи вопросовъ существенной важности для солиднаго знанія и усвоенія языка, а также сравнительнымъ методомъ разьясненія грамматическихъ положеній французской рѣчи въ сопоставленіи ея формъ съ формами рус-

скими и латинскими (въ этомъ отношеніи учебникъ сей есть первый и часть опыта приложенія къ дѣлу исторической грамматики французскаго языка) и 3) рядъ статей отъ самаго легкаго до самаго труднаго языка, представляющихъ обильный лексическій матеріалъ, почерпнутыхъ изъ классическихъ писателей и изъ полнѣе подходящихъ по тону и содержанію ихъ къ назначенію этого учебника.

Учебники французскаго языка вообще составлялись и составляются для свѣтскихъ учебныхъ заведеній, воспитанники и воспитанницы которыхъ и по возрасту и по домашней подготовкѣ разнятся отъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И самый курсъ французскаго языка въ свѣтскихъ училищахъ, по числу классныхъ часовъ, значительно обширнѣе курса семинарскаго, гдѣ полагается на этотъ предметъ только шесть часовъ въ первыхъ трехъ классахъ. Въ виду такой разницы учебники французскаго языка неудобно примѣнялись къ преподаванію въ семинаріяхъ. Названный выше учебникъ г. Игнатовича составленъ соотвѣтственно требованіямъ семинарскаго курса и составленъ весьма удачно. Авторъ его счастливо избѣгъ крайностей: опущенія существенныхъ правилъ и допущенія излишнихъ подробностей. Въ 85 §§ онъ нашелъ возможнымъ дать полное изложеніе и объясненіе формъ этимологическихъ и глгхъ правилъ синтаксическихъ, безъ которыхъ не мыслимо пониманіе французскаго языка.

Въ семинаріяхъ воспитанники, а иногда преподаватели, страдаютъ невѣрнымъ произношеніемъ французскихъ словъ и фразъ. Въ виду этого г. Игнатовичъ достаточно разъяснилъ отфнки правильнаго произношенія, снабдивъ этотъ отдѣлъ значительнымъ количествомъ словъ, которыя и составляютъ для учащихся на первый разъ полезный запасъ лексическаго матеріала. Однакожъ автору слѣдуетъ обратить вниманіе на § 9-й и ясенѣе показать произношеніе, соотвѣтствующее начертаніямъ: *ceil, eille, ceuil, euille, ail, aille, ouille*, и для большей ясности напечатать эти звуки русскими буквами, причемъ упомянуть и о настоящемъ произношеніи во Франціи этихъ звуковъ, отступаю-

щемъ отъ бывшаго въ употребленіи) прежде извѣстныхъ сохраняемаго въ Россіи, а равно отъ нѣкоторыхъ звуковъ in, ain и ain, которые не вполне соотвѣтствуютъ en, произносимому въ насъ.

Вторая глава разбираемаго учебника посвящена объясненію спряженій французскихъ глаголовъ. И этотъ отдѣлъ ясенъ и достаточно полонъ. Выборъ, обиліе и разнообразіе примѣровъ даетъ преподающему, полную возможность познакомить воспитанниковъ съ разнообразными оборотами и видами предложеній. Особенность этого отдѣла та, что глаголы на *oir* отнесены къ неправильнымъ. Несмотря вообще противъ этого, нужно замѣтить, что извѣстныя группы этихъ глаголовъ подчиняются во многихъ измѣненіяхъ опредѣленнымъ правиламъ.

Третья глава, продолжая разъясненіе глаголовъ, болѣе усложняетъ фразы дополненіями, такъ что спряженіе изъ скучнаго и сухаго перечня формъ глагола превращается въ рядъ полныхъ фразъ, частое повтореніе которыхъ полезно въ практическомъ отношеніи.

Четвертая и пятая главы заключаютъ изложеніе видовъ и формъ мѣстоименій, образованіе степеней сравненія, нарѣчій и основныя положенія относительно значенія и употребленія членовъ съ которыми синтаксическими указаніями. Въ этихъ пяти главахъ выяснена вся этимологія.

Глава VI и VII выясняютъ учащимся синтаксическія правила. Здѣсь особенное вниманіе обращено на правильное употребленіе въ временъ и наклоненій, такъ какъ для этого нѣтъ надежнаго основанія въ родномъ языкѣ. Русскіе виды глаголовъ указываютъ главнымъ образомъ на краткость и длительность дѣйствія, во французскихъ же глаголахъ господствуетъ преемственность дѣйствій. Это различіе часто ведетъ къ неправильному переводу съ русскаго на французскій и обратно. Нельзя не добавить, что здѣсь г. Игнатовичъ умѣстно остановился на выясненіи тѣхъ временъ и наклоненій, которыя не имѣютъ соотвѣтствующихъ въ русскомъ языкѣ, какъ *passé antérieur*

eur, futur antérieur, participe passé composé и т. п., а равно и далъ ключъ къ разумнѣю du participe passé во временахъ сложныхъ, не обременяя своихъ объясненій излишними, запутывающими подробностями. Къ числу достоинствъ учебника г. Игнатовича нужно отнести и то, что въ немъ даются объясненія относительно лексической и формальной стороны французскаго языка сравнительно съ латинскимъ. Такимъ образомъ, воспитанникамъ семинарій, уже знакомымъ съ этимологіею и главными правилами синтаксиса классическаго языка, значительно облегчается изученіе родственнаго съ ними французскаго.

Г. Игнатовичъ печатаетъ въ своемъ учебникѣ грамматическія объясненія отдѣльно отъ курса практическаго, тогда какъ въ другихъ учебникахъ эти отдѣлы смѣшиваются. Есть основанія въ пользу того и другаго порядка. Въ защиту перваго можно сказать, что онъ, представляя нѣкоторыя затрудненія для учениковъ, обязанныхъ искать объясненій на послѣдовательно практическое ознакомленіе съ этимологіею и синтаксисомъ въ другомъ отдѣлѣ учебника, представляетъ выгоды, давая ученикамъ, неимѣющимъ подъ глазами правилъ, возможность изучать ихъ основательнѣе.

Къ своему учебнику г. Игнатовичъ присоединилъ французскую хрестоматію, достаточную по объему и весьма удачную по выбору литературныхъ отрывковъ и статей, въ числѣ которыхъ довольно значительная доля принадлежитъ лучшимъ религіознымъ французскимъ писателямъ: Боссюэту, Фенелону, Массильону, Паскалю. Желательно, однакожъ, чтобы г. Игнатовичъ исключилъ изъ своей хрестоматіи статьи 16 (Origine et mobile de l'industrie humaine) и 46 (Loi universelle de la mort). Первая принадлежитъ перу Волнея (Volney) и отзывается философіею энциклопедистовъ, вторая есть произведеніе Іосифа де-Местра (J. de Meistre) и носитъ на себѣ печать рѣзкости и оригинальности этого писателя.

Трудъ г. Игнатовича заканчивается словаремъ, который былъ печатанъ и при прежнемъ его учебникѣ. Въ

виду же статей, присоединенныхъ въ новому его руководству, необходимо нынѣ дополнить упомянутый словарь. Сверхъ того въ русскихъ упражненіяхъ встрѣчаются помѣстамъ галлицизмы, на которые автору слѣдуетъ обратить вниманіе и замѣнить ихъ чистыми русскими выраженіями. Еще одно замѣчаніе. Авторъ разбираемаго нами учебника предпослалъ своему труду предисловіе, въ которомъ помѣщены весьма полезныя замѣчанія относительно преподаванія французскаго языка. Но въ этой части оказывается длинноты и ненужное употребленіе иностранныхъ словъ и опѣкоторая нестройность языка. Дѣло не потерпѣло бы отъ сокращенія предисловія и исправленія языка.

Сравнивая учебникъ г. Игнатовича съ употребляемымъ нынѣ, по немѣнію лучшаго, въ семинаріяхъ руководствомъ г. Марго, нельзя не отдать полнаго предпочтенія первому по его приспособленности къ семинарской программѣ, удачному выбору практическихъ упражненій и ясности изложенія. Учебникъ г. Марго имѣетъ въ виду учить говорить по французски, что не входитъ въ задачу и неудобно исполнимо въ семинаріяхъ; оно же изложено на французскомъ языкѣ, что не доступно для занятій не подготовленныхъ семинаристовъ. Наконецъ въ немъ есть недостатокъ сопоставленія французскаго языка съ русскимъ и латинскимъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ, «Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка» г. Игнатовича пригоденъ предпочтительно предъ всѣми другими для семинарій, какъ руководство по этому предмету. А потому Учебный Комитетъ полагалъ бы рекомендовать составленный г. Игнатовичемъ «Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка» по его отпечатаніи, для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку, въ замѣніе принятаго нынѣ въ семинаріяхъ учебника — Марго, съ тѣмъ однакожь, чтобы введеніе новаго руководства Игнатовича совершалось постепенно, начиная съ того класса,

гдѣ учащіеся будутъ приступать къ изученію французскаго языка, такъ, чтобы не ставить воспитанниковъ въ необходимость приобретать то и другое руководство.

Отъ 9 Іюля 1874 года за № 40, о книгѣ П. Рошина: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики, примененной къ учебнымъ предметамъ начальнаго образованія».

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 77, о допущеніи въ бібліотеки духовныхъ Семинарій составленной директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи П. Рошинымъ (книги, подъ заглавіемъ «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики (изданіе 2. Москва, 1873 г.)», въ видѣ пособія для преподавателей педагогіи. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія Правленіямъ духовныхъ Семинарій къ надлежащему исполненію, послать печатный указъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, съ приложеніемъ, въ копіи, журнала Комитета.

ЖУРНАЛЪ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СІНОДѢ, ЗА № 77-МЪ.

О составленной Директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи г. Рошинымъ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики, примененной къ учебнымъ предметамъ начальнаго образованія». (Второе исправленное и дополненное изданіе, Москва, 1873 г.).

Школа не мыслима безъ учителя, дѣльный учитель не мыслимъ безъ правильной педагогической подготовки, —

послѣдняя же сама собою предполагаетъ существованіе разумно, толково составленныхъ учебно-педагогическихъ руководствъ, изъ которыхъ каждый учитель могъ бы почерпнуть необходимыя для веденія своего дѣла свѣдѣнія. Разсматриваемый трудъ г. Рощина назначенъ именно для этой цѣли. Г. Рощинъ желаетъ, по его словамъ, дать руководство, въ которомъ учителя, особенно начинающіе, нашли бы для себя сжатое изложеніе *практическихъ положеній*, относящихся къ учебно-воспитательной сферѣ, а равно тѣхъ *пріемовъ и способовъ*, достоинство которыхъ оправдалось опытомъ и лучшими педагогическими авторитетами (предисл. IV). Знакомство съ тѣми и другими должно, по мысли автора, «значительно облегчить дѣятельность начинающихъ и предостеречь ихъ по крайней мѣрѣ отъ грубыхъ педагогическихъ промаховъ». Такой цѣли нельзя не сочувствовать, хотя выполненіе ея представляетъ значительныя трудности. Трудности эти заключаются какъ въ существѣ предмета, такъ и въ приспособленіи руководства къ данной цѣли. Судя по заглавію «Очерка» авторъ желаетъ ограничить свой трудъ изложеніемъ *практическихъ положеній*; но извѣстно, что послѣднія имѣютъ *теоретическую* основу, внѣ которой едвали возможно правильно понять и уразумѣть самыя *практическія положенія*. Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаніе одного изъ современныхъ педагоговъ, что «между всѣми *практическими* предметами нѣтъ болѣе практичнаго—*истинной теоріи*; и между всѣми предметами *непрактическими* ничего нѣтъ болѣе непрактичнаго, какъ практика, лишенная вѣрной *теоретической* основы». Итакъ, первая трудность поставленной задачи лежитъ въ правильномъ соединеніи *практическихъ положеній* педагогіи съ ихъ теоретическими основами. Трудность эта тѣмъ серьезнѣе, что педагогія, въ смыслѣ науки, далеко не достигла еще той степени развитія, на которой основной принципъ науки, строго-логически раскрываясь въ подробностяхъ, охватываетъ и заключаетъ въ себѣ безъ остатка всю массу явленій и данныхъ, входящихъ въ ея содержаніе. Нужно

много знаний, такта, опытности, чтобы обойти эту трудность и внести въ «руководство» действительно истинное, общепризнанное, избѣжать противорѣчій въ цѣломъ и подробностяхъ. Другая трудность заключается въ изложеніи матеріала, приспособительно къ данной цѣли. Авторъ предназначаетъ свое руководство для учителей и учительницъ, не получившихъ правильной, систематической подготовки, въ томъ числѣ и для нашихъ народныхъ учителей. Изъ послѣднихъ едва ли не большинство случайно занимаютъ мѣста наставниковъ, иногда безъ всякой даже общеобразовательной подготовки. Писать для такихъ людей о предметахъ педагогическихъ весьма трудно. Достаточно указать на область психическихъ явленій, существенно входящихъ въ предметъ педагогики, чтобы признать эту мысль несомнѣнною. Психическій анализъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ проблемамъ челоѣко-вѣдѣнія; онъ требуетъ въ высокой степени развитаго ума, способнаго притомъ къ строго-логическому обобщенію, ума, привыкшаго работать надъ матеріаломъ не только трудно-уловимымъ, часто измѣнчивымъ, но и необыкновенно сложнымъ, заключающимъ въ себѣ въ каждомъ данномъ моментѣ самыя разнородныя стихіи. Трудностями этого дѣла и объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что мы доселѣ не имѣли руководства для народныхъ учителей, которое бы вполнѣ удовлетворяло требованіямъ современной педагогики и въ тоже время было бы доступно для нашихъ начальныхъ учителей. Къ сожалѣнію и г. Роцинъ, какъ это будетъ видно далѣе, не сумѣлъ справиться съ своею задачею. «Очеркъ» г. Роцина въ сущности дѣла представляетъ простую *компиляцію* изъ разныхъ пособій, которыми авторъ пользовался, хотя онъ и не всегда указываетъ источники, изъ которыхъ дѣлаеть заимствованія (напр. на стр. 73-й и др.)

Весь трудъ г. Роцина распадается на три отдѣла: 1) *Общая педагогика*, 2) *Дидактика*, и 3) *Методика*. Дѣленіе это обращаетъ вниманіе своею нелогичностью: въ немъ равнозначущими являются члены подчиненные,

закрывающіеся одни въ другихъ. Такъ «дидактика» составляетъ часть подчиненную «общей педагогике», а «методика» составляетъ часть прикладную «дидактики»; сопоставлять же ихъ, какъ равныя, нѣтъ никакихъ уважительныхъ основаній. Впрочемъ, не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ, г. Роцинъ дѣлаетъ дѣленія, не руководясь ровно ни какими соображеніями, что указано будетъ ниже. Самое заглавіе «Общая педагогика» совершенно не отвѣчаетъ содержанію, ибо, съ одной стороны, въ эту часть вошло много свѣдѣній изъ частной педагогике, съ другой—она не заключаетъ въ себѣ ничего цѣльнаго, полнаго, такъ что ближе къ дѣлу было бы обозначить эту главу заглавіемъ «элементарныя свѣдѣнія изъ педагогике». Въ этомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма важный *пробѣлъ*: въ немъ ничего не сказано о воспитаніи эстетическомъ. Если у насъ мало дѣлается въ этомъ отношеніи, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы совершенно пренебрегать имъ и въ изложенія педагогическихъ руководствъ.

«Общая педагогика» г. Роцина состоитъ изъ 10 статей, изъ коихъ первая носитъ такое заглавіе: «необходимость знанія законовъ и правилъ воспитанія, въ особенности для женщинъ; опредѣленіе педагогике и ея раздѣленіе». Страннымъ представляется добавленіе «въ особенности для женщинъ»,—спрашивается, почему же для женщинъ? Авторъ на это не даетъ уважительнаго отвѣта. Правда, онъ указываетъ на то, что дѣти до 8—9 и болѣе лѣтъ находятся на рукахъ женщинъ, «воспитательное же вліяніе мужчинъ начинается только съ отроческаго возраста» (стр. 3). Но впервыхъ, ужели отецъ не можетъ и не долженъ имѣть вліяніе на воспитаніе своихъ дѣтей до 9 лѣтъ? Развѣ не можетъ женщина—мать обращаться за совѣтомъ о воспитаніи малютокъ къ мужчинамъ? А тогда и мужчинамъ нужно знать законы и правила воспитанія. Но если даже дитя до 9 лѣтъ будетъ исключительно отдано на воспитаніе женщинамъ, и только съ 9 лѣтъ начинается воспитаніе его мужчинами, все

равно является непонятнымъ, почему «знаніе законовъ и правилъ воспитанія необходимо въ особенности для женщинъ». Развѣ «законы и правила воспитанія» имѣютъ примѣненіе только въ воспитаніи ребенка *до 9 лѣтъ*, а съ 9-ти знаніе ихъ отъ другихъ уже не имѣетъ мѣста, не нужно ли? Въ изложеніи этой главы встрѣчаются нѣкоторые промахи. Такъ, на 1-й страницѣ авторъ говоритъ, что ребенокъ является въ мірѣ не развитымъ, а на 2-й стр. признаетъ его «одареннымъ и богато развитою тѣлесною организациею». Затѣмъ авторъ слишкомъ много придаетъ значенія первымъ впечатлѣніямъ дѣтства, находятъ въ нихъ объясненія даже геніальности нѣкоторыхъ натуръ. Такъ авторъ указываетъ на Гайдю, замѣчая, что на него «въ первый разъ (?) произвело сильное впечатлѣніе его родителей, въ особенности нѣжный голосъ его матери» и вотъ «музыка стала его любимымъ занятіемъ и *сдѣлала (?)* изъ него знаменитаго композитора» (стр. в 3). Подобное объясненіе геніальности великаго композитора нельзя не признать слишкомъ наивнымъ и крайне поверхностнымъ. Евгений Савойскій сдѣлался героемъ, по словамъ г. Роцина, потому что мать рассказывала Евгению, еще двухлѣтнему ребенку, о герояхъ; о Пушкинѣ авторъ говоритъ, что «едва ли не больше всего онъ обязанъ своей нянѣ Родионовнѣ» (ibid.). Авторъ, очевидно, не признаетъ геніальности самой природы нашего великаго поэта, — не будь Родионовна, Пушкинъ не былъ бы, пожалуй, и поэтомъ. Но вѣдь даже простое соображеніе могло бы показать странность приведенныхъ гипотезъ г. Роцину: хнян! Родионовна пѣла пѣсни и сказки, сказывала *не одному* же Пушкину, а между тѣмъ изъ всѣхъ ея слушателей только онъ (одинъ) и былъ геній. Послѣ этого геніальность Ньютона можно объяснить тѣмъ, что на него произвело впечатлѣніе небо и онъ долго на него смотрѣлъ въ дѣтствѣ; но смѣшать на небо миллиарды дѣтей и людей, а Нютона родятся въ камнѣ. Конечно, на возбужденіе геніальныхъ натуръ могутъ дѣйствовать и ближайшія вліянія окружающихъ людей и природы, но отсюда еще далеко

до тѣхъ объясненій, какія даетъ г. Рошинъ. Кто заронилъ «геніальность» въ душу Холмогорскаго рыбака, кто сдѣлалъ Суворова героемъ побѣды, а Петра—великимъ? Ни исторія, ни наука о человѣкѣ еще не дали намъ рѣшительнаго и точнаго отвѣта на эти вопросы; но если бы для геніальности въ музыкѣ достаточно было нѣжнаго голоса матери, для образованія героев—разказовъ о великихъ подвигахъ, для приготовленія геніальныхъ поэтовъ—сказки и пѣсни нянь, то и человечество гораздо больше имѣло бы геніевъ.

Въ той же главѣ, опредѣляя педагогику, какъ науку, авторъ называетъ ее систематическимъ *сводомъ правилъ воспитанія и обученія*. Никакая наука, если только она дѣйствительно есть наука, не есть *сводъ*, т. е. систематическое собраніе правилъ чего бы то ни было. Наука развивается изъ принциповъ, а *сводъ*—это агрегатъ, сложная масса, не имѣющая ни органической связи, ни живаго единства. Всякое научное построеніе предполагаетъ основную идею, которая и должна раскрываться къ частностямъ, служа изъясненіемъ и высшимъ принципомъ для всѣхъ данныхъ и явленій, составляющихъ ее область. Если авторъ почему-либо нашелъ неудобнымъ передачу этихъ понятій въ своемъ «Очеркѣ», то могъ бы совсѣмъ опустить вопросъ по педагогикѣ, какъ и наукѣ, тѣмъ болѣе что предметъ этотъ сложенъ, отвлеченъ, а авторъ имѣетъ въ виду одну практическую положенія; но давать объясненія невѣрнымъ во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы.

Переходя далѣе къ раздѣленію педагогики, авторъ говоритъ: «Общая (sic) педагогика раздѣляется *обыкновенно* (что за страннѣйшій принципъ «обыкновенія»!) но не всякое обыкновеніе разумно, есть *usus tyrannus*!) а на собственно педагогику, дидактику, методику и исторію педагогики» (стр. 4). Въ этомъ дѣленіи нѣтъ ни какого *основанія*, въ немъ смѣшаны роды и виды, исторія же педагогики совсѣмъ не имѣетъ здѣсь мѣста, какъ вообще исторія предмета во всякой наукѣ; мѣсто ея или въ введеніи, или она какъ элементъ (историческій) можетъ вхо-

дять въ видѣ дополненія въ изложеніе отдѣльныхъ трактатовъ науки, ибо исторія составляетъ не *часть* послѣдней, но послѣдовательное развитіе ея. Въ 2-й гл. посвящена физическому воспитанію. Написана она довольно сжато, и также не безъ промаховъ. Такъ въ началѣ главы авторъ пишетъ: «Воспитаніе бываетъ (?) *тройковъ*: физическое, умственное и нравственное». Здѣсь опять дѣленіе безъ всякой основы и точки зрѣнія дано совершенно произвольно. Предметъ воспитанія—человѣкъ; а такъ какъ природа человѣка представляетъ двѣ совершенно различныхъ стороны—тѣлесную и духовную, то понятно, что и воспитаніе должно быть *физическимъ* и *духовнымъ*: за тѣмъ, анализируя явленія и процессы развитія духовной жизни, мы различаемъ въ душѣ человѣка способности, соотвѣтственно коимъ и дѣлится психическое воспитаніе на умственное (интеллектуальное), нравственно-религіозное и эстетическое. Правда, что дѣленіе это очень старо, но вѣдь не нова и природа человѣка, которая служить предметомъ педагогики, между тѣмъ въ этомъ старомъ дѣленіи есть логичность, чего нѣтъ въ дѣленіи г. Рошина. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе положеніе: «Чѣмъ совершеннѣе тѣло, тѣмъ легче подчиняется оно душѣ» (стр. 5). Дѣйствительно ли «совершенство тѣла находится въ столь прямомъ отношеніи къ душѣ»? Факты и наблюденія говорятъ противное. Наболѣе «совершенное», конечно, въ смыслѣ физическаго здоровья, тѣло у атлетовъ, акробатовъ и т. под. лицъ, исключительно посвящающихъ свою жизнь укрѣпленію и развитію своего организма; но можно ли о нихъ сказать, что тѣло ихъ *легче* подчиняется душѣ, тѣмъ болѣе, что душевныя силы у такихъ людей обыкновенно остаются не развитыми. Актъ подчиненія тѣла душѣ не есть актъ чисто органической жизни, но прежде всего есть фактъ высоко разившейся воли, окрѣпнувшей въ продолжительномъ упражненіи самооблагоданія. Дальше авторъ говоритъ, что «слабое тѣло не можетъ удовлетворять *всѣмъ* потребностямъ души», но спрашивается, какое же тѣло *удовлетворитъ*

всѣми потребностямъ души? Потребности духа такъ высоки, безграничны, духовны, что удовлетворить имъ *всѣми* и самый здоровый организмъ не въ состояніи. Взять въ примѣръ хотя потребность *знанія*, — она безгранична, не объемлется ничѣмъ пространственнымъ, начало этого стремленія мы можемъ наблюдать, а предѣла его мы не видимъ: можетъ ли удовлетворить этой потребности тѣло и въ чемъ состояло бы это удовлетвореніе? Тѣло служитъ лишь орудіемъ для проявленія духовныхъ стремленій, слѣдовательно, здѣсь рѣчь могла идти не объ *удовлетвореніи* послѣднихъ, а лишь о большей или меньшей *пригодности* тѣла для этой дѣли. Вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду эту мысль, но выразилъ ее неудачно. Дальше здѣсь же говорится, что *«вліяніе»* (sic) слабаго тѣла на душу производитъ въ ней мысли, чувства и желанія не полныя, не нормальныя» (ibid). Выраженіе *«вліяніе»* производитъ мысли не правильно; если болѣзнь тѣла вызываетъ въ больномъ извѣстную настроенность мыслей и пр., очевидно, *«мысли, чувства и желанія»*, возникающія по этому поводу, и составляютъ *вліяніе* больнаго тѣла на душу; но затѣмъ, чтобы само *вліяніе* производило еще мысли и проч., сказать это нельзя. И что такое *«мысли не полныя, не нормальныя»*, производимыя будто бы *вліяніемъ* тѣла? (б. что)

Говоря о качаніи въ колыбели, авторъ безусловно признаетъ его вреднымъ и говоритъ, что если вообще отъ укачиванія ребенокъ успокаивается, то это отъ того, что онъ *«падаетъ въ одуреніе»* (стр. 6). Сказано слишкомъ много. Укачиваніе ребенка имѣетъ различныя формы. Такъ мать укачиваетъ дитя *на рукахъ* и ребенокъ не рѣдко замолкаетъ; ужели это происходитъ отъ того, что онъ *«падаетъ въ одуреніе»*? Укачиваніе просто производитъ въ немъ пріятное ощущеніе, а однообразіе движенія — усыпляетъ. Безусловно-вреднымъ можно признать укачиваніе въ колыбели горизонтальное, особенно при усиленномъ движеніи послѣдней; но этого нельзя сказать о движеніи вертикальномъ, при посредствѣ прикрѣпленной къ потолку желѣзной *«спи-рали»*, которая, вытягиваясь и сокращаясь отъ легкаго

давленія руки, производитъ спокойное и равномерное движеніе колыбели сверху внизъ, при чемъ ребенокъ остается совершенно спокойнымъ, даже неподвижнымъ. Никакого одуренія ребенка при этомъ быть не можетъ.

На стр. 11 авторъ пишетъ: «регулярная (?) гимнастика прямо служить, такъ сказать, *одухотворенію тѣла*». Что значить одухотворять тѣло и можетъ ли для этой цѣли служить гимнастика?—Цѣль гимнастики—просто физическое здоровье; для одухотворенія же тѣла потребны иныя средства.

Весь отдѣлъ о физическомъ воспитаніи изложенъ на 4-хъ страницахъ, значить весьма кратко; но краткость хороша, когда она не опускаетъ существеннаго. Въ этомъ же отдѣлѣ нельзя не указать на нѣкоторые весьма важные пробѣлы: «Очеркъ» назначается для учителей, обучающихся въ разнаго рода школахъ, а потому изъ физическаго воспитанія, казалось бы, въ него должны войти свѣдѣнія, преимущественно касающіяся школьной діететики и гигиены. А между тѣмъ, распространяясь о начальномъ физическомъ воспитаніи, авторъ школьную гигиену совсѣмъ опускаетъ изъ виду, да и о гимнастикѣ говоритъ очень мало.

Психическому воспитанію авторъ посвящаетъ 8 главъ, изъ нихъ 4 гл. посвящены умственному воспитанію, остальные 4—правственному; при чемъ о воспитаніи чувства говорится мимоходомъ, а эстетическое воспитаніе совсѣмъ опущено. И въ этомъ отдѣлѣ есть не мало промаховъ. Укажемъ нѣкоторые.

Разсматривая первыя проявленія познавательной способности въ дѣтяхъ, авторъ обозначаетъ моменты ихъ съ такою точностію, какая не оправдывается ни опытомъ, ни существомъ дѣла. Такъ онъ говоритъ, что «въ чувствѣ зрѣнія только послѣ 6 ти недѣль начинаютъ проявляться *первыя проблески дѣятельности*» (стр. 13); но это едвали можно сказать такъ рѣшительно. Коль скоро у ребенка открыты глазъ, то онъ уже неизбѣжно испытываетъ вліяніе свѣта; пусть сначала оно будетъ несознаннымъ, но отрицать это

вліяніе невозможно и можно съ вѣроятностію полагать, что оно не только есть, но и служить однимъ изъ вѣдшихъ стимуловъ развитія органа зрѣнія. Когда же начинается собственно процессъ зрѣнія, какъ дѣятельности сознательной, опредѣлить совершенно невозможно съ точностію, какъ потому, что въ самой сознательности есть степени, которыя дѣлають незамѣтнымъ переходъ изъ состоянія безсознательности къ сознательности, такъ вслѣдствіе разнообразія индивидуальностей, а равно и въ силу различія тѣхъ впечатлѣній и вліяній, которыя испытываетъ каждый ребенокъ въ своей средѣ. Затѣмъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ фразъ, за которыми не видно никакого содержанія и смысла, каковы выраженія: «въ душѣ ребенка начинается *развѣтаться*» (стр. 14), или «впечатлѣнія *непостижимымъ образомъ* воспринимаются душою» (стр. 18) и т. под., такія выраженія не слѣдовало бы допускать въ руководство, какъ общія, ничего не дающія фразы, совершенно безсодержательныя.

Вообще статьи о психическомъ воспитаніи составлены слишкомъ отвлеченно и страдаютъ обиліемъ общихъ мѣстъ. Между прочимъ авторъ говоря, что впечатлѣнія воспринимаются душою, прибавляетъ, что «при этомъ сознается нами, какъ *говорятъ* (sic) въ психологіи, уже не *количественное* раздраженіе нерва, а происходитъ *качественное*, сознаваемое состояніе духа, называемое ощущеніемъ». Авторъ оставляетъ это положеніе безъ всякихъ поясненій, хотя назначаетъ свое руководство для читателей малоподготовленныхъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы это положеніе было понято народными учителями. Затѣмъ, къ чему эта добавка, «какъ *говорятъ* (sic) въ психологіи»? А въ дѣйствительности развѣ не то бываетъ? Пунктъ, который затронуть авторомъ, имѣетъ существенное значеніе и въ психологіи и въ педагогіи, но оставленный безъ разъясненія онъ совершенно теряетъ значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ о процессѣ образованія въ насъ ощущеній и только называетъ его «непостижимымъ».

Объ умственной дѣятельности авторъ выражается довольно странно. «Дѣятельность и разсудка и ума, говоритъ онъ, *сама по себѣ* (значить *in se*) такъ сказать *полудуховна* и *полутѣлесна*» (стр. 23). Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ? Еще это выраженіе было бы понятно по отношенію къ ощущеніямъ; но о разсудкѣ и объ умѣ, да еще взятыхъ «сами по себѣ», значить, въ существѣ своемъ, независимо отъ того или другаго даннаго содержанія, сказать такъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Пусть ощущенія входятъ, какъ матеріалы въ дѣятельность разсудка, но вѣдь и ощущенія самъ авторъ признаетъ «сознаваемыми состояніями духа», которыя противоположны «количественнымъ раздраженіямъ нерва». Но уму подлежитъ область представленій и чистыхъ понятій, что въ нихъ есть *тѣлеснаго*? И на какомъ основаніи уму и разсудку приписывается какая-то *полутѣлесность*, — неизвѣстно. И что такое самая эта «полутѣлесность», какъ опредѣлить ее авторъ? Выраженія, подобныя приведенному, способны лишь сбить неопытныхъ читателей съ толку; они свидѣтельствуютъ также, что самъ авторъ, компилируя свой трудъ, имѣлъ весьма неопредѣленныя представленія о психическихъ процессахъ.

Кромѣ *ума* и *разсудка* авторъ различаетъ *разумъ*, но различіе между этими силами весьма неясно. Разумъ авторъ называетъ «вышимъ, чисто-духовнымъ проявленіемъ (sic) мыслительной и познавательной дѣятельности души» (стр. 23). И такъ разумъ не есть сила души самостоятельная; она есть *проявленіе* низшихъ силъ *ума* и *разсудка* (мыслительной и познавательной дѣятельности), — какъ же совершилось это превращеніе низшихъ силъ въ высшее нѣчто? Какъ «полутѣлесность» стала «чисто-духовностію»? Какъ относятся между собою всѣ эти силы? Наконецъ въ силу какихъ *основаній* авторъ вводитъ свое тройственное дѣленіе силъ умственныхъ въ психологію? Все это авторъ оставляетъ не разъясненнымъ, ни на чемъ не основаннымъ. Здѣсь же авторъ *идею о Богѣ* называетъ «религіознымъ чувствомъ» — это вовсе не одно и

тоже, и если бы авторъ правильно и ясно опредѣлялъ самое слово *идея*, онъ никогда не назвалъ бы его *чувствомъ*. Дальше авторъ пишетъ, что «у дѣтей, къ концу 7-ми лѣтъ жизни (какая точность, на чемъ она основана? У всѣхъ ли дѣтей? Почему именно къ концу 7 лѣтъ?) мышленіе и познаваніе *черезъ разсудокъ* и *умъ* все болѣе и явственнѣе проникается мышленіемъ *черезъ разумъ*». Впервыхъ, что за странное выраженіе мышленіе *черезъ*! Затѣмъ ужели въ самомъ дѣлѣ умственная дѣятельность семилѣтняго ребенка проникается уже идеальными созерцаніями разума, — не рано ли? Идеалы авторъ опредѣляетъ такъ: это «воплощенія идей, въ совершенствѣ своемъ не вполнѣ доступныя», — и неопредѣленно, и общо, и невѣрно. Нѣсколько далѣе (стр. 24) авторъ, въ видѣ авторитета, приводитъ слова «одного нѣмецкаго педагога», имени котораго авторъ не называетъ, но, судя по словамъ, «одинъ педагогъ», хотя и нѣмецкій, имѣетъ на дѣло странный взглядъ, чтобы не сказать болѣе. Внѣшнія чувства, говоритъ онъ, составляютъ какъ бы *желудокъ* (sic) для духовной пищи, которая *превращается* въ питательный сокъ только съ помощію этихъ органовъ». (*) Далѣе онъ же говоритъ о томъ, что иные-де педагоги «набиваютъ голову отвлеченными идеями, которыя впоследствии, такъ сказать, (!) приходятъ въ *тѣніе* и *заражаютъ всю организацію мозга*». Сравненія довольно дикія, неумѣстныя, да и по существу своему совершенно невѣрныя, кому бы они ни принадлежали, и было бы лучше, если бы составитель руководства не вносилъ ихъ въ свой трудъ. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что общій выводъ, который дѣлается авторомъ относительно развитія умственныхъ силъ ребенка, не полонъ; именно, авторъ говоритъ, что «все приводитъ къ тому заключенію, что *не слѣдуетъ нарушать* естественныхъ законовъ психическаго развитія

(*) По мнѣнію иностраннаго педагога, «болѣзни мозга и водяная» у дѣтей происходятъ «отъ дурной, неестественной методы преподаванія».

дитяти» (ibid.), — но это выводъ только отрицательный. Не говоря уже о томъ, что законы психическаго развитія личности дѣтской авторъ собственно не показалъ, такъ что говорить онъ о нарушеніи неизвѣстнаго; было бы необходимо дать положительную точку опоры для воспитанія и обученія.

Въ ст. «Упражненіе мыслительной способности при посредствѣ нагляднаго обученія» встрѣчается мысль, съ которою нельзя согласиться. Авторъ пишетъ: «Если бы въ ребенкѣ незамѣтымъ образомъ (sic) для воспитателя возникли представленія о такихъ предметахъ (?), присутствіе которыхъ въ душѣ ребенка могло бы вредно отозваться на его развитіи, и потому не желательно, — то воспитатель всегда можетъ парализовать вліяніе такихъ представленій на ребенка: для этого стоитъ только воспрепятствовать превращенію ихъ въ понятія, тѣмъ ослабится ихъ вліяніе на душу ребенка, и даже совершенно уничтожится» (стр. 25). Взглядъ на дѣло совершенно механической. Вопервыхъ, въ душевной жизни, по самому существу ея, ничто совершенно не уничтожается; во вторыхъ, авторъ хозяйничаетъ въ душѣ ребенка совершенно произвольно; онъ говоритъ: «стоитъ только (легкое дѣло!) воспрепятствовать превращенію представленій въ понятія», какъ будто это возможно сдѣлать! Процессъ образованія понятій, какъ и всякій логическій процессъ мысли, не есть въ существѣ своемъ дѣло нашего хотѣнія, даже въ насъ самихъ, а тѣмъ менѣе могутъ подлежать нашей волѣ подобныя процессы, совершающіеся въ другихъ людяхъ. Если бы возможно было съ такою свободою, какъ думаетъ авторъ, управлять образованіемъ понятій, остановкою ихъ развитія въ душѣ дитяти, тогда открылась бы новая эпоха въ человѣческомъ воспитаніи и трудную и сложную задачу исправленія дѣтей можно было бы привести къ очень не многимъ, простымъ и не сложнымъ практическимъ правиламъ остановки и задержки образованія въ душѣ дитяти представленій, понятій и сужденій. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ средствъ для

осуществленія своего совѣта, въ исполнимости котораго онъ увѣренъ, ибо говорить, что учитель «всегда можетъ, и стоитъ только» и пр. доо. *второй* *выборъ* *матеріала* *для* *начальнаго* *обученія*, авторъ дѣлаетъ его безъ всякихъ основаній. «Естественное всего, говоритъ онъ, въ наглядной бесѣдѣ можно ознакомить ребенка съ тѣломъ и его органами, пищею, одеждою, домомъ и т. д. (стр. 26)». Но на самомъ дѣлѣ выборъ матеріала сдѣланъ авторомъ, можно сказать, всего менѣе естественно. Авторъ прежде всего дѣлаетъ ребенка объектомъ его собственного самонаблюденія: это не естественно. Исторія и опытъ показываютъ, что въ естественномъ ходѣ умственнаго развитія человѣкъ дѣлаетъ предметомъ своимъ наблюдений прежде *міръ ви́шній*, его окружающій; (*) къ самообладанію человѣкъ обращается гораздо позднѣе, когда рефлектирующій умъ достаточно обрѣпнетъ и разовьется на объектахъ предметнаго міра, окружающихъ его ви́шнихъ явленій. Не естественно дѣлать ребенку себя первымъ предметомъ наблюденія и съ другой стороны, по существу дѣла. Начинать нужно всегда съ простѣйшаго, но организмъ человѣка вовсе не представляетъ простоты, о чемъ достаточно говорить одно уже понятіе — «организмъ». То соображеніе, что тѣло наше всего *ближе* къ намъ, не можетъ имѣть равно никакого педагогическаго значенія: душа наша еще *ближе* къ намъ, она есть самомыслящее и наблюдающее *я*, но кто же рѣшится на этомъ основаніи сдѣлать первымъ предметомъ наблюденія дитяти явленія психической жизни? Наконецъ, исторически извѣстно, что, начиная съ Песталоцци, попытки сдѣлать пер-

(*) Это вѣрно не только по отношенію къ развитію отдѣльных личностей, но и относительно развитія общечеловѣческаго сознанія. Такъ первое пробужденіе философствующаго ума въ Греціи, какъ извѣстно, совершилось въ Іонійской школѣ, задачи которой состояли въ рѣшеніи проблемъ ви́шней природы; обращеніе же философіи къ самосознанію совершилось гораздо позднѣе.

вымъ предметомъ наблюденія дитяти его организмъ, оказались практически не состоятельными, почему вынѣ этотъ приѣмъ въ педагогикѣ давно отвергнутъ. Странно въ современныхъ дидактическихъ руководствахъ повторяютъ старые промахи. Обыкновенно теперь принято начинать наглядное обученіе съ классной комнаты и предметовъ въ ней находящихся, для чего есть достаточныя и разумныя основанія. Вообще все сказанное о наглядномъ обученіи въ «Очеркѣ» до того поверхностно, общо и непрактично, что нельзя не удивляться, почему авторъ не счелъ нужнымъ обратить на столь серьезный предметъ болѣе серьезное вниманіе. Ни плана обученія, ни выбора предметовъ, ни дидактическихъ основаній, ни руководящихъ правилъ для этого предмета въ книгѣ г. Рощина нѣтъ, что нельзя не счесть весьма виднымъ пробѣломъ въ книгѣ, назначаемой для руководства народныхъ учителей. Между прочимъ авторъ говоритъ, что «слѣдуетъ наблюдать не много за разъ, но основательно»,—положеніе это довольно извѣстно и его нерѣдко можно слышать, но слѣдовало бы объяснить его, указавъ мѣру основательности, или лучше—раскрывъ, въ чемъ состоитъ основательность обученія *элементарнаго*, такъ какъ есть еще основательность *научная*, специальная, которая въ начальной школѣ, конечно, мѣста имѣть не можетъ.

Говоря о развитіи памяти, авторъ опускаетъ существо дѣла и останавливается на внѣшней его сторонѣ. Онъ говоритъ, что лучше всего запоминаются предметы, которые а) даютъ душѣ болѣе впечатлѣній и б) чаще *повторяются*. Нѣтъ сомнѣнія, что количество впечатлѣній и повтореніе служатъ средствами запоминанія, но авторъ опускаетъ изъ виду весьма существенную сторону, одно изъ основныхъ условій вѣрнаго и прочнаго воспріятія и усвоенія памятью даннаго матеріала. Главное здѣсь не количество, а *качество*, или лучше *интенсивность* впечатлѣній, нами воспринимаемаго, съ чѣмъ въ связи стоитъ а) конкретность или наглядность усвоаемыхъ памятью предметовъ и явленій, и б) та степень напряженія нашего

вниманія и интереса, съ которою совершается воспріятіе. Въ видѣ о воображеніи и фантазіи авторъ пишетъ, между прочимъ: «когда въ душѣ ребенка накопленъ уже значительный запасъ представленій, то въ немъ *пробуждается тогда* способность группировать отдѣльные представленія въ цѣлыя картины, болѣе или менѣе близко похожія на дѣйствительность—короче, пробуждается дѣятельность воображенія и фантазіи (стр. 29)». Это не такъ. Авторъ, очевидно, не ясно и даже невѣрно представляетъ дѣло. По его мнѣнію, воображеніе пробуждается тогда, когда накопленъ уже значительный запасъ представленій; но если бы авторъ вникъ въ *процессъ образованія* самихъ *представленій*, то не сказалъ бы этого. Представленія сами по себѣ вовсе не простые и первичные факты духовной нашей жизни, но суть сложные и произвольныя явленія въ ней, результаты операцій мышленія, въ которыхъ дѣятельнѣйшее участіе принимаетъ именно воображеніе, сочетающее отдѣльно воспріятыя различными чувствами ощущенія въ *одинъ* цѣльный образъ. Само по себѣ «представленіе» есть актъ *воображенія*, слѣдовательно, самое существованіе представленій предполагаетъ уже дѣятельность воображенія, а у г. Рощина послѣднее является только «послѣ значительнаго запаса представленій». Но спрашивается, какъ могли образоваться безъ участія воображенія самыя представленія? Наконецъ, если представленіе есть умственный *образъ* предмета, то какъ его *представить*, не имѣя воображенія, т. е. именно силы представляющей?

Станнымъ представляется и послѣдующее разсужденіе автора о томъ же предметѣ. «Дѣятельность воображенія и фантазіи, пишетъ онъ, *возбуждается* прежде всего подѣ вліяніемъ окружающей природы и обстановки, слѣдовательно, при помощи внѣшнихъ чувствъ. Такъ, *напримѣръ, сырой песокъ представляетъ весьма богатый матеріалъ для разнообразной игры дѣтской фантазіи*. Выходитъ (напримѣръ), что сырой песокъ возбуждаетъ дѣтскую фантазію. Это не такъ. Ребенокъ напротивъ поль-

зуюсь пескомъ, можетъ проявлять свою фантазію, но въ самомъ пескѣ элементовъ для сказаннаго возбужденія не много найдется. Здѣсь же авторъ излагаетъ игры Фребеля, но излагаетъ совершенно пассивно, тогда какъ эти игры именно «по Фребелю» страдаютъ капитальными недостатками и ни въ русской семьѣ, ни въ русской школѣ, безъ радикальной переработки, примѣнны быть не могутъ. Между прочимъ авторъ рекомендуетъ и извѣстное Фребелевское занятіе: выкалываніе иглой рисунковъ на бумагѣ. Объ этомъ упражненіи слѣдуетъ сказать, что оно совершенно антипедагогично, антигигіенично, это — выкалываніе не рисунка, а глазъ, одно изъ лучшихъ средствъ приобрести близорукость и вообще ослабить зрѣніе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда особенно слѣдовало бы беречь глаза. Если вышиваніе вредно отзывается даже на взрослыхъ, то что сказать объ этомъ «выкалываніи» бумаги малютками, гдѣ они со всѣмъ напряженіемъ должны слѣдить глазами за мелкими отверстиями, изъ которыхъ должны составляться формы рисунка? При этомъ ревнители Фребелевскихъ игръ стараются довести выкалываніе до особаго искусства, требуя, чтобы точки укола отъ крупныхъ были доводимы до мельчайшихъ, — и это все должны дѣлать малютки, въ самую первую пору дѣтства! Со стороны составителя педагогическаго руководства было бы весьма желательно побольше самостоятельности въ столь важномъ дѣлѣ, каковы образовательныя игры дѣтей — малютокъ.

Идея нравственнаго воспитанія также не вполне явно представляется авторомъ. Такъ авторъ говоритъ, что *цѣль нравственнаго воспитанія есть развитіе чувствительныхъ и желательныхъ силъ души* (стр. 37). Нравственное воспитаніе, въ связи съ религіознымъ, имѣетъ иную цѣль, — именно образованіе добраго и постояннаго настроенія въ человѣкѣ, которое выражается въ самообладаніи, въ силѣ воли, дѣйствующей по принципамъ христіанской нравственности, или что тоже, образованіе

нравственнаго характера въ человѣкѣ. Развитіе же чувствительныхъ и желательныхъ силъ служить лишь средствомъ къ достиженію цѣли главной.

Въ той же статьѣ авторъ опредѣляетъ, между прочимъ, страсть—какъ «состояніе сильной возбужденности какого либо чувства и желанія»,—здѣсь авторъ, очевидно, смѣшиваетъ страсть съ психическими аффектами.

На стр. 38 авторъ пишетъ, что «для воспитанія въ дѣтяхъ любви и уваженія къ людямъ необходимо поставить дѣтей, на первыхъ же порахъ (т. е. малютокъ?), въ тѣсныя и разнообразныя сношенія и взаимодѣйствія (?) съ людьми, достойными любви и уваженія». Мысль весьма странная. «Люди достойныя любви и уваженія»—это люди почтенные, послужившіе обществу, не только возрастные, но и пожилые. Авторъ совѣтуетъ поставить малютокъ къ этимъ людямъ «въ тѣсныя и разнообразныя сношенія!» И даже предполагаетъ установить какое то «взаимодѣйствіе» между ними! Авторъ не раскрываетъ плана и средствъ, какъ выполнить его совѣтъ, но его нельзя признать педагогическимъ. Дѣти должны жить прежде всего съ дѣтьми. Въ дѣтскомъ мірѣ достаточно заключается условій и средствъ «для воспитанія въ дѣтяхъ любви къ людямъ», нужно только правильно и съ тактомъ руководить и направлять этотъ міръ. Дѣти должны быть дѣтьми. Всему свое время: подрастутъ, станутъ взрослыми, тогда возможными явятся и «тѣсныя разнообразныя отношенія съ людьми почтенными» и «взаимодѣйствіе».

На стр. 44-й авторъ пишетъ: «Если съ мальчикомъ или дѣвочкой слишкомъ долго обращаться какъ съ незрѣлыми дѣтьми (да развѣ «мальчикъ» и «дѣвочка» могутъ быть зрѣлыми? Тогда они дѣлаются первый юношей, а вторая—дѣвушкой), то они очень долго и останутся такими (?), да, кромѣ того, утратятъ чувство любви и уваженія къ своимъ воспитателямъ». Не говоря уже о неправильности выраженія, приведенная мысль, выраженная въ столь абсолютной формѣ, представляется парадоксальною. Изъ за того, что родители обращаются съ мальчи-

нами и дѣвочками по дѣтски—нечего еще терять къ родителямъ любовь и уваженіе. Пусть даже такое обращеніе будетъ со взрослыми дѣтьми, и тогда для такой утраты нѣтъ основаній. Конечно, это будетъ педагогическая неумѣлость со стороны родителей; но если это «дѣтское обращеніе родителей съ дѣтьми—пусть взрослыми—проникнуто глубокою и истинною любовью, если оно все дышетъ лаской, основывается на полномъ довѣрїи къ дѣтямъ, имѣетъ характеръ совершенно открытый и прямой (а таковы и должны быть отношенія родителей къ дѣтямъ), ужели можно допустить, чтобы при этихъ условїяхъ дѣти потеряли къ родителямъ любовь и уваженіе за ихъ педагогическую неумѣлость? Приведенную мысль автору слѣдовало бы ограничить и дать ей совсѣмъ иную постановку.

— Между прочимъ, въ числѣ наказаній авторъ рекомендуетъ «стояніе въ углу и изнаніе изъ классной комнаты» (стр. 48),—оба эти наказанія, чуждыя совершенно педагогическаго характера, а послѣднее, кромѣ того вредное и въ учебномъ и въ дисциплинарномъ отношенїяхъ въ школахъ, не должны быть употребляемы. Вообще педагогическая часть труда г. Роцина представляется неудачной и наполненной многими промахами.

Отдѣлъ «дидактики» г. Роцина посвященъ обзорѣнію общихъ вопросовъ объ условїяхъ и организаціи обученія. Въ этомъ отдѣлѣ также не мало промаховъ.

На стр. 62 авторъ говоритъ «о задачѣ всякаго обученія» и полагаетъ ее «въ сообщенїи знаній и умѣній». Опредѣленіе это страдаетъ односторонностью, такъ какъ авторъ совершенно упускаетъ изъ виду сторону обученія *воспитательную*.

Въ опредѣленїи объема и содержанія курса начальной школы, или—что тоже, въ выборѣ предметовъ обученія въ ней, авторъ не руководится никакими соображеніями и основаніями. Онъ просто говоритъ, что содержаніемъ такихъ курсовъ «признаются обыкновенно» (!) слѣдующіе предметы» (стр. 62) и дѣлаетъ ихъ перечисленіе. Такимъ

образомъ авторъ слѣдуетъ «обыкновенію», но не всякое же обыкновеніе разумно. Выборъ предметовъ для учебнаго курса начальной школы не долженъ быть ни случайнымъ, ни произвольнымъ, но долженъ утверждаться на разумныхъ и ясно сознанныхъ основаніяхъ.

Здѣсь же встрѣчается такое выраженіе: «методъ изучающаго науку служить его собственнымъ интересамъ», — вѣрнѣе было бы сказать «интересамъ науки», почему научный методъ и называется объективнымъ, въ противоположность субъективизму метода педагогическаго.

На той же 63 стр. авторъ говоритъ «о разложеніи (анализѣ) и сложеніи (синтезѣ), иначе называемыхъ (?) индукціей и дедукціей». Итакъ, по мнѣнію автора, анализъ и индукція, синтезъ и дедукція — одно и то же, разные названія тѣхъ же предметовъ, — но это совершенно не вѣрно.

Въ числѣ задачъ метода авторъ указываетъ цѣль — «сообщить уму учащагося — логическій порядокъ мышленія» (стр. 64), — слѣдовало бы сказать — развить способность логическаго мышленія; сообщать же можно только званія.

При изложеніи анализа и синтеза у автора замѣчается смѣшанность понятій о томъ и о другомъ. Въ приводимомъ имъ примѣрѣ о преподаваніи географіи авторъ чисто синтетическій способъ — перехода отъ окружающихъ дитя предметовъ и явленій, отъ родины къ изученію отечества и далѣе — всей земли — обезразличиваетъ, въ методическомъ отношеніи, со способомъ аналитическимъ, который беретъ за исходную точку для обученія цѣлое представленіе (глобусъ) о земномъ шарѣ и постепенно переходитъ къ изученію его частей и подробностей. Авторъ, очевидно, увлекся тѣмъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ приходится разсматривать предметы (въ первомъ случаѣ ближайшіе предметы, обыденные, во второмъ — цѣлый глобусъ), но онъ упустилъ изъ виду, что это «разсматриваніе» составляетъ здѣсь не методъ, а приемъ обученія; послѣдній касается частныхъ дѣйствій и практики обученія, а методъ опредѣляетъ существо и на-

правление процесса его съ одной стороны, съ другой— систему расположенія всего учебнаго предмета. Далѣе (стр. 66) авторъ отождествляетъ съ синтезомъ и *генетическій* методъ, для чего также нѣтъ оснований. Изучая, говоритъ онъ, различныя ступени развитія особи, начиная, напр., съ зерна и условій его роста и оканчивая цѣлымъ деревомъ и его плодами (,) — изучающіе дѣлаютъ *синтезы*. Въ воспроизведеніи дѣлаго ряда подобныхъ синтезовъ заключается сущность такъ называемаго генетическаго метода (стр. 66). Эти разсужденія автора едва ли могутъ быть признаны не только яснымъ, но и вѣрнымъ изложеніемъ дѣла. Генетическій методъ представляетъ предметъ въ его происхожденіи и развитіи, это несомнѣнно; но чтобы въ приведенномъ выше примѣрѣ былъ синтезъ, чтобы «совокупность синтезовъ» представляла существо генетическаго метода, это значитъ смѣшивать совершенно различныя вещи.

Здѣсь же авторъ, говоря объ исторіи, полагаетъ, что она «представляетъ *самый трудный* учебный предметъ въ народной школѣ», ибо «она есть результатъ весьма многихъ, и разнородныхъ физическихъ фактовъ, явленій вступавшихъ въ самыя разнообразныя и труднодоступныя для наглядности сочетанія. Въ ней отражается все (?) человѣчество съ его отношеніями къ Богу, къ самому себѣ и природѣ» и пр. (стр. 67). Объ этомъ разсужденіи слѣдуетъ замѣтить, во первыхъ, что оно высокопарно, фразисто и для народныхъ учителей недоступно; а во вторыхъ, совсѣмъ неумѣстно въ статьѣ о методахъ; при томъ же оно является плодомъ недоразумѣнія. Все сказанное выше объ исторіи относится къ ней, какъ къ наукѣ; но въ курсъ народной школы исторія въ смыслѣ науки совсѣмъ и входить не можетъ, она здѣсь возможна только какъ предметъ обученія и притомъ въ смыслѣ элементарномъ. Далѣе и самъ авторъ приходитъ къ тому же выводу, но при этомъ дѣлаетъ новый промахъ. Имено, онъ говоритъ, что «*дѣйствительное* знаніе исторіи не доступно отроческому возрасту, почему нужно сдѣлать

преподаваніе ея «элементарнымъ». Такимъ образомъ элементарному противопоставляется дѣйствительное, чего отпустить нельзя.

Вообще вся глава «о методахъ общихъ» написана сбивчиво, неясно, языкомъ не точнымъ и едва ли можетъ принести пользу для народныхъ учителей.

Тѣмъ же недостатками страдаетъ и слѣдующая глава (12-я) «о частныхъ методахъ обученія». Видно, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ предметъ. Такъ онъ говоритъ, что «на общихъ методахъ обученія, аналитическомъ и синтетическомъ, основаны частные методы или (?) дидактическіе» (стр. 68); затѣмъ насчитываетъ *четыре* послѣднихъ метода: *деиктическій*, *акроаматическій*, *катехитическій* и *эвристическій*. Но совершенно не видно, какъ именно относятся къ анализу и синтезу эти методы? почему ихъ *четыре*, ни болѣе, ни менѣе? Какое основаніе принято для ихъ вывода и раздѣленія? Что составляетъ отличительныя ихъ черты по существу? и т. д. При этомъ авторъ вводитъ, въ видѣ поясненій, весьма необычныя термины: *показывательный*, *падоумительный*, *наводительный*.

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ и существо «деиктическихъ» методовъ, ибо онъ ихъ смѣшиваетъ съ *приемами* обученія, что вовсе не одно и тоже. Такъ «деиктическій методъ» состоитъ въ томъ, что учитель *показываетъ* предметъ ученику, — уже ли *показываніе* предмета составляетъ методъ? Это просто *пріемъ* нагляднаго обученія. Да и самъ авторъ дальше «методъ» этотъ называетъ «*пріемомъ*», очевидно, не разумѣя различія обоихъ терминовъ. Къ *показывательному приему* (sic) обученія, говоритъ онъ ниже, можно отнести и прогулки учителя съ учениками» (стр. 69). Итакъ, «прогулки» тоже составляютъ «деиктическій» методъ и послѣдній уже называется *пріемомъ*!

Но далѣе авторъ сливаетъ *акроаматическій* методъ съ *деиктическимъ*. «Показываніе» и *примѣрныя дѣйствія*, или (sic) *деиктическій* способъ, говоритъ онъ, не могутъ

не сопровождается объясненіями, рассказомъ, истолкованіемъ или словеснымъ изложеніемъ самаго учителя; этотъ методъ называется тогда акроаматическимъ» (стр. 70). Итакъ, акроаматическій методъ есть деиктическій, но съ присовокупленіемъ объясненій, рассказовъ и проч. со стороны учителя. Авторъ, очевидно, слишкомъ по своему смотритъ на дѣло. Самое изложеніе акроаматическаго метода сдѣлано крайне поверхностно и общо,—ему авторъ посвящаетъ всего девять строкъ, а между тѣмъ онъ заслуживалъ бы болѣе дѣльнаго изложенія.

Переходя къ изложенію катехитическаго метода, авторъ говоритъ, что «въ дѣтской живости и неусидчивости», для разнообразія, является третій методъ—*катехитическій*, который онъ называетъ также и *сократическимъ*. Такимъ образомъ методъ катехеза является здѣсь въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, тогда какъ въ началѣ авторъ указывалъ на происхожденіе его изъ анализа и синтеза. Нельзя не замѣтить также, что катехитическій методъ и сократическій—вовсе не одно и то же, послѣдній по существу своему есть чисто эвристическій. Известно, что Сократъ, путемъ вопросовъ, имѣлъ цѣль—навести слушателя своего и собесѣдника на самостоятельное открытіе истины, почему Сократъ и называлъ себя лишь воспріимникомъ мыслей своихъ слушателей, «бабкою» ихъ, какъ онъ выражался образно. Психическій образъ этого метода изложенъ Платономъ въ известномъ «Менонѣ», гдѣ Сократъ доводитъ съ помощію вопросовъ, совершенно невѣжественнаго раба до рѣшенія геометрической задачи, именно путемъ эвристическимъ, посредствомъ наводящихъ вопросовъ. Но г. Родинъ сливаетъ этотъ методъ съ катехитическимъ. Впрочемъ онъ дальше называетъ послѣдній методъ и эвристическимъ или, какъ онъ выражается, «изобрѣтательнымъ» (!), такъ что хотя авторъ сначала различалъ четыре дидактическихъ метода, но далѣе все они до того перемѣшались и перепутались, что и два изъ нихъ выдѣлать трудно. Подобнаго рода сбивчивое изложеніе столь важнаго вопроса о методахъ

нельзя не признать важнымъ недостаткомъ труда г. Рощина. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что во всей статьѣ нѣтъ ни плана, ни порядка; статья посвящена дидактическимъ методамъ, но здѣсь же говорится и о бодливости учителя (стр. 73), и о задачахъ, о спрашиваніи и прослушиваніи уроковъ; при чемъ не дано ни одного образца, какъ примѣнять на дѣлѣ тотъ или другой методъ. Едва ли что-нибудь практически-полезное вынесутъ изъ этой главы народные учителя.

Отмѣтимъ здѣсь еще два мѣста, которыя вызываютъ возраженіе. На стр. 69-й, говоря о наглядномъ обученіи, авторъ пишетъ, что «задача преподавателя состоитъ при этомъ въ умѣннѣе обратитъ вниманіе учениковъ на *самыя существенныя стороны предмета*, представляющія *наибольше трудностей*, но не пропустить при этомъ и *второстепеннаго*»,—съ этимъ трудно согласиться. Если бы вопросъ шелъ о научномъ изслѣдованіи предмета, иное дѣло; но въ наглядномъ обученіи имѣется въ виду цѣль не научная, а педагогическая. Искать при этомъ «наибольше трудностей», разсматривать предметъ во всемъ его объемѣ, не только «съ самыхъ существенныхъ сторонъ», по и «второстепенныхъ»,—далеко не всегда здѣсь возможно, удобно и желательно.

На стр. 74-й говорится: «Хорошо врѣзывается въ памяти то, что хотя случайно, но ежедневно попадаетъ на глаза; по этому полезно развѣшиваніе въ классахъ по стѣнамъ картинъ, картъ, таблицъ и пр.» Мысль эту принять можно лишь съ ограниченіемъ. Извѣстно, что Локкъ училъ грамотѣ «играя», по кубикамъ; но, желая сохранить свѣжесть и интересъ игры этой, онъ положительно совѣтуетъ прятать кубики такъ, чтобы ребенокъ не могъ достать ихъ во всякое время, потому что, говоритъ онъ, обыкновенно дѣти скоро охладѣваютъ къ тѣмъ предметамъ, которые у нихъ всегда бываютъ предъ глазами. Тоже бываетъ и съ картинами. Постоянно имѣя передъ глазами, заглядывая на нихъ мимоходомъ, дѣти до того свыкаются съ ними, что теряютъ къ нимъ интересъ. Тогда

какъ картина вновь принесенная возбуждаетъ ихъ мысль приковываетъ къ себѣ ихъ вниманіе, пробуждаетъ желаніе узнать, что на картинѣ нарисовано. Вотъ почему нужно съ ограниченіемъ принимать высказанную выше мысль, Картины и карты можно развѣшивать въ классѣ, если первыя назначены для пріученія глаза дѣтей къ изящной обстановкѣ, а вторыя—для справокъ; но если картины предназначаются для систематическаго обученія, то лучше до времени ихъ разсмотрѣнія не развѣшивать, дабы сохранить всю свѣжесть впечатлѣнія ихъ новизны и интересъ ихъ содержанія. Послѣ же, когда картины будутъ разсмотрѣны, можно будетъ развѣсить ихъ и въ классѣ,—ибо они сдѣлали уже свое дѣло и бывъ обстоятельно разсмотрѣны раньше, будутъ служить для дѣтей напоминовеніемъ того, что они узнали при внимательномъ разсмотрѣніи изображенныхъ на картинахъ предметовъ.

Глава «о ходѣ преподаванія» написана довольно практично, къ ней приложены примѣрные росписанія уроковъ; но «концентрической ходъ преподаванія» изложенъ сбивчиво и недостаточно выясненъ. Ссылка при этомъ на трудъ г. Овсяникова «учебникъ исторіи всеобщей» сдѣлана неизвѣстно зачѣмъ и для чего, такъ какъ всеобщая исторія въ народныхъ школахъ не преподается. Концентраціи обученія посвящено всего 10 строкъ (на стр. 79), понятно, что не многое возможно было здѣсь выяснить. Затѣмъ авторъ переходитъ къ «концентраціи силъ учащихся» и также излагаетъ ее общо и неудовлетворительно, не указывая даже ея педагогическихъ основаній.

Между прочимъ, говоря объ условіяхъ успѣшнаго преподаванія, авторъ пишетъ, что оно будетъ идти успѣшно, если формы и приемы преподаванія «будутъ оживлены такъ-называемымъ (!) духомъ преподаванія» (стр. 80). Но «духъ преподаванія» не одинаковъ и не каждый «духъ» способенъ содѣйствовать успѣху обученія. «Духъ преподаванія» можетъ быть и отрицательнымъ, слѣдовательно вреднымъ для успѣховъ обученія и такого духа слѣдуетъ остерегаться.

Въ главѣ о дисциплинѣ авторъ говоритъ, что «при домашнемъ обученіи задача наставника—воспитателя значительно упрощается» и что «обязанность учителя въ общественныхъ училищахъ гораздо сложнѣе и труднѣе» (стр. 82). Это нельзя безусловно утверждать. Не всегда семейная жизнь содѣйствуетъ правильному воспитанію; а домашнее обученіе, особенно одиночное, имѣетъ много и перѣдко весьма важныхъ невыгодъ. Общество сверстниковъ для дѣтей представляетъ ту естественную среду гдѣ должны развиваться ихъ дѣтскія наклонности, полагаться задачи будущаго ихъ характера. Совокупный трудъ въ обученіи вызываетъ соревнованіе со стороны учащихся, въ массѣ дѣти лучше приучаются къ порядку, къ дисциплинѣ; при правильномъ руководствѣ, школа развиваетъ и направляетъ въ дѣтяхъ духъ общественности и взаимопомощи. Нечего и говорить, что въ отношеніи средствъ и силъ обученія съ школой общественною могутъ равняться лишь не многія и только особенно достаточныя семейства. Если прибавить сюда трудности регулировать домашнія занятія ребенка, устранить все антидисциплинарныя навѣки и семейные обычаи (посѣщеніе гостей, несвоевременность сна, пищи, отдыха и т. под.), которые перѣдко стоятъ въ антагонизмѣ съ требованіями правильнаго воспитанія, то окажется, что обученіе въ общественныхъ училищахъ обставлено едва ли не болѣе благоприятными условіями, въ учебно-воспитательномъ отношеніи, нежели обученіе домашнее.

Говоря о дисциплинѣ, авторъ между прочимъ указываетъ на нѣкоторыхъ педагоговъ, которые будтобы «не видятъ никакой надобности въ дисциплинарныхъ мѣрахъ для поддержанія въ классѣ надлежащаго порядка» (стр. 83); но изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ видно, что онъ не поваль мнѣній указываемыхъ имъ педагоговъ. Такъ онъ пишетъ: «По мнѣнію, напр., Дистервега хорошее преподаваніе само способно оказывать на поведеніе дѣтей такое же вліяніе, какое можетъ оказывать на нихъ дисциплина: «кто хорошо умѣетъ учить, говорить, Дистервегъ,

тотъ можетъ хорошо вести и дисциплину. (стр. 83). Здѣсь, очевидно, вовсе нѣтъ ни отрицанія мѣръ дисциплинарныхъ, ни самой дисциплины, говорится только, что учитель, который *хорошо*, т. е. вполне педагогически умѣетъ учить, можетъ хорошо управлять классомъ,—отсюда до отрицанія дисциплинарныхъ мѣръ далеко; напротивъ, здѣсь именно и указывается на хорошее обученіе, какъ *одно* изъ дисциплинарныхъ *средствъ*. Тоже непониманіе авторъ обнаруживаетъ и по отношенію къ Ушинскому. «Нашъ же лучший педагогъ К. Д. Ушинскій, говоритъ авторъ, идетъ *еще дальше* (sic), утверждая, что «въ разумно устроенной школѣ наказаній за лѣность быть не можетъ, потому что уроки выучиваются въ классѣ, наказаній за шалости также нѣтъ, потому что дѣти заняты и шалить имъ нѣкогда». Ушинскій здѣсь вовсе не идетъ дальше Дистервега, а скорѣе лишь развиваетъ его мысль, именно выясняя, въ чемъ состоитъ «хорошее обученіе», и въ чемъ состоитъ его дисциплинирующее вліяніе. Такъ что заключеніе автора: едва ли облегчается достиженіе идеала школы при *полномъ отсутствіи мѣръ дисциплинарныхъ, сдерживающихъ*—совершенно не можетъ быть отнесено къ приведеннымъ выше авторамъ, которые и не думали отвергать дисциплинарныя мѣры въ школахъ, но только признавали одною изъ сильнѣйшихъ таковыхъ мѣръ—само обученіе, но хорошее, воспитывающее въ добромъ смыслѣ и направленіи. И едва ли кто изъ людей, знающихъ дѣло практически, рѣшится отвергать, что при отличномъ умѣньи держать классъ-шалостямъ въ классѣ нѣтъ мѣста; что при умѣньи учителя «выучивать уроки» съ дѣтьми въ классѣ устраняются наказанія за лѣность, ибо послѣдняя предувреждается и дѣлается какъ бы невозможной. Вообще нельзя сказать, чтобы авторъ раскрылъ ученіе о дисциплинѣ достаточно, ясно, полно и основательно; такъ о воспитательномъ вліяніи дисциплины на учащихся, особенно на образованіе ихъ характера, ничего не сказано въ книгѣ г. Рошина, а эти пункты составляютъ существо вопроса о дисциплинѣ. Авторъ болѣе останавли-

вается на ви́шней ея сторонѣ, нежели на внутреннихъ ея основаніяхъ. Въ этой же главѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 85), авторъ говоритъ о *школьной тиенѣ*, какъ бы мимоходомъ; но предметъ этотъ заслуживалъ бы если не особой главы, то во всякомъ случаѣ болѣе обстоятельнаго изложенія.

«Методика» у г. Роцина обработана также далеко не блестяще.

Прежде всего нельзя не пожалѣть, что авторъ со-всѣмъ опустилъ изъ виду *историческое развитіе* способовъ обученія предметамъ курса начальной школы. Говорятъ: «исторія судитъ мертвыхъ и даетъ уроки живымъ». Въ извѣстной степени это можно примѣнить къ исторіи методовъ обученія. Сравнивая различные методы, въ разное время появляшіеся, мы совершенно сознательно можемъ придти къ выбору дѣйствительно лучшихъ способовъ обученія; изучая далѣе опыты преподаванія по различнымъ методамъ, мы научимся избѣгать ошибокъ и погрѣшностей, въ которыя впадали наши предшественники: выгоды не малыя и для успѣха дѣла благотворныя; но авторъ ими почему-то пренебрегаетъ. Недостатокъ этотъ нельзя не счесть существеннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ касается всей методики.

Въ обученіи чтенію авторъ слѣдуетъ способу письма-чтенія (Schreibleseunterricht). Конечно, этотъ методъ болѣе другихъ рациональный и пригоденъ практически; но авторъ не озаботился изложить его общія дидактическія основанія, отъ чего не только образовательное достоинство его, но и практическая удобопримѣнимость для читателей остаются не вполне разъясненными. Въ изложеніи хода обученія по этому способу, авторъ весьма пассивно слѣдуетъ Ушинскому и главнымъ образомъ Паульсону, его «Первой книжкѣ», при чемъ допускаетъ не мало промаховъ и недостатковъ. Такъ съ самаго начала авторъ совѣтуетъ предварительно «знакомить дѣтей аналитическимъ и синтетическимъ путями, со звуками» (стр. 92), — не видно, устно или письменно нужно это дѣлать, и какъ, разомъ или поочередно, пользоваться аналитическимъ и

синтетическимъ путемъ? если поочередно, то какой путь предшествуетъ другому? Наконецъ, одинаково ли они удобны?

Далѣе, сказавъ, что нужно начинать съ легчайшихъ звуковъ по произношенію и простѣйшихъ по начертанію, авторъ указываетъ на *о* и *с*, съ которыхъ и идетъ обученіе; но всѣ буквы, въ письмѣ которыхъ употребляются овалы, никакъ не могутъ быть признаны простѣйшими по начертанію, напр., сравнительно съ *и*, *ш*, и т. д.; *ѣ* и *ѥ*, а равно *й* авторъ отлагаетъ до конца азбуки,— совершенно напрасно, такъ какъ дѣти, почти всю азбуку будучи должны читать безъ этихъ полу-звуковъ, приобрѣтутъ навыкъ и писать слова безъ нихъ, что въ отношеніи правописанія неудобно. Далѣе авторъ почти дословно слѣдуетъ ходу обученія по «Первой учебной книжкѣ» Паульсона, при чемъ повторяетъ и его промахи. Такъ, при разложеніи слова *оси* на звуки, авторъ употребляетъ весьма неудачный приѣмъ Паульсона, ошибочность котораго была показана въ одной изъ статей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* («Современное обученіе по звуковому способу» за 1872 г.), Катихизація, какую ведетъ при этомъ учитель (также по Паульсону), представляется весьма сложной, обремененной свѣдѣніями о предметахъ, прямого отношенія къ дѣлу не имѣющихъ (стр. 94). Между прочимъ, переходя къ начертанію звуковъ *о*, *с*, *и*, авторъ употребляетъ такой приѣмъ: «Я теперь, говоритъ учитель, произнесу звукъ *о*, смотрите мнѣ на ротъ: *о* (протяжно). Какой видъ имѣетъ мой ротъ, когда я произношу *о*? Круглый. Да видъ *кружка*. Такой же видъ имѣетъ и вашъ ротъ, когда вы скажете *о*. Которою же изъ этихъ трехъ буквъ (*о*, *с*, *и*) лучше всего означить *о*? Тою, которая пишется *кружкомъ*» (стр. 95). Приѣмъ не удачный. Впервыхъ, ротъ при произношеніи *о* вовсе не походитъ на *кружокъ*; во вторыхъ, начертаніе *о* вовсе не зависитъ отъ формы рта при произношеніи его, иначе слѣдовало бы и другіе звуки, по крайней мѣрѣ гласные, также производить изъ положеній рта, но

известно, что еще Гразерт дѣлалъ эту попытку, окончившуюся совершенно неудачей. Наконецъ, это обращеніе «смотрите мнѣ на ротъ!» можетъ вызвать смѣхъ въ классѣ. Да и къ чему оно? Вѣдь раньше (стр. 94) говорилось уже, что буква о имѣетъ видъ кружка, продолговата, что «такими кружками рисуютъ яйца, сливы, листья» (?), — понадобилось еще положеніе рта: такое обиліе сравненій представляется излишнимъ. Подобнымъ образомъ тамъ же идетъ сравненіе буквы е съ полумѣсяцемъ, серполъ, лукомъ (?), затѣмъ эта буква, по увѣренію автора, имѣетъ еще «видъ змѣйки, свернувшейся въ полукружіе»; но и о можетъ имѣть «видъ змѣйки, свернувшейся въ кольцо» — это одинъ изъ древнѣйшихъ даже символовъ; но полезно ли обременять обученіе чтенію массою такихъ сравненій — это вопросъ. Мы думаемъ нѣтъ, потому что, упоминая о лукѣ, о серпѣ, о змѣйкѣ и проч., придется и говорить о нихъ, ибо эти предметы могутъ быть для дѣтей неизвѣстны, но такія отступленія, собственно для чтенія, едва ли удобны и желательны.

На стр. 97 авторъ пишетъ: «Некоторые педагоги, предпочитающіе синтетическій методъ обученія грамотѣ, считаютъ необходимымъ въ началѣ — особымъ звуковымъ упражненіемъ, въ томъ числѣ Ушинскій въ Родномъ Словѣ, принявшій противоположный учебнику Паульсона — способъ синтетическій». Но, во первыхъ, предварительныя звуковыя упражненія составляютъ вообще *необходимую* составную часть обученія по способу письма-чтенія и начинаясь аналитически, то есть разложеніемъ (устно) словъ на слоги и звуки, оканчиваются синтезомъ — сложеніемъ изъ звуковъ словъ; а во вторыхъ, что касается Ушинскаго, то приведенное выраженіе исторически невѣрно: Ушинскій не могъ принять «противоположный учебнику Паульсона способъ» (странно это и выраженіе), ибо, когда Ушинскій писалъ свое родное Слово, Паульсонъ еще не составлялъ своего учебника по обученію грамотѣ, слѣдовательно его методъ нельзя было имѣть *идею* въ виду, что

На той же страницѣ, 97-й, авторъ усволяетъ барону Корфу изобрѣтеніе остроумнаго способа при соединеніи звуковъ гласныхъ и согласныхъ тянуть первый звукъ и легонько прибавить второй; но если бы авторъ былъ знакомъ съ исторіей методики обученія грамотѣ, то не сказалъ бы такъ; приведенный приемъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстенъ былъ и примѣнялся въ школахъ нѣмецкихъ послѣдователей Жагота, напр., у Зельтзама. Вообще нельзя сказать, чтобы обученіе грамотѣ составлено было съ полнымъ знаніемъ дѣла, надлежащею обстоятельностью и практичностью, а между тѣмъ обученіе чтенію и письму составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ обученія въ народной школѣ, на которомъ потому и слѣдовало бы остановиться съ большимъ вниманіемъ.

Обученіе письму составлено довольно коротко; существенный недостатокъ этой статьи представляется отсутствіе изложенія въ ней дидактико-педагогическихъ основаній обученія этому предмету. Обученіе счисленію изложено по Грубе, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями; обученіе элементарному черченію изложено толково, только катихизация при обученіи (стр. 121) составлена не совсѣмъ удачно. Въ этой статьѣ, между прочимъ, встрѣчается мысль, что «черченіе способствуетъ доведенію представленій до *полной наглядности*» (стр. 115), съ чѣмъ нельзя согласиться. Вопервыхъ, не ко всякому представленію это вообще можетъ быть отнесено; во вторыхъ, «полная наглядность» можетъ быть усвоена только самимъ предметомъ. Черченіе же даетъ лишь *схему* предмета, и то, что дается имъ для наблюденія внѣшнихъ чувствъ, очень ограничено въ смыслѣ наглядности. Выраженіе «полная наглядность» въ черченіи, даже по отношенію къ геометрическимъ тѣламъ, нельзя признать точнымъ; по отношенію же къ предметамъ и явленіямъ жизни оно совсѣмъ не вѣрно. Наглядное изученіе предмета предполагаетъ дѣятельность не одного только зрѣнія, но и другихъ чувствъ; такъ въ колоколѣ мы наблюдаемъ слухомъ звукъ,

осязаніемъ плотность и температуру метала; въ кускѣ сахара осязаніемъ узнаемъ его шероховатость, вѣсъ, вкусомъ—сладость и т. д. Въ черченіи же, какъ бы оно ни было совершенно, мы получимъ только одно очертаніе предмета, слѣдовательно, схему его, доступную только зрѣнію, при чемъ даже и зрѣніе ограничивается въ матеріалѣ для наблюденія, ибо на чертежѣ нельзя наблюдать, напр., движеніе предмета, цвѣтъ его и пр. Что же касается другихъ чувствъ, то понятно, что ни слуху, ни обонянію или осязанію, ни вкусу чертежъ никакого матеріала дать не можетъ; гдѣ же здѣсь «полная наглядность».

Обученіе географіи составлено съ знаніемъ дѣла; но здѣсь встрѣчается одно мѣсто, которое вызываетъ возраженіе. Именно, на стр. 136-й авторъ пишетъ: «Хорошее средство для перенесенія дѣтской фантазіи въ далекія страны состоитъ и въ томъ еще, чтобы предварительно показать произведенія чужой страны. Разсматривая, напр., апельсинъ и *кушая его* (кто же будетъ кушать, учитель, или ученики?), можно описать апельсинныя рощи Сициліи; при *переборкѣ* изюма (удобно ли это занятіе въ классѣ?) можно рассказать о прекрасныхъ греческихъ островахъ, о Вестъ-Индіи съ ея плантаціями» и пр. Было бы лучше сказать: когда идетъ рѣчь объ апельсинѣ, показать апельсинъ, и т. д., но присоединять къ «переборкѣ изюма», напр., рассказъ о «прекрасныхъ» греческихъ островахъ и т. под.—едвали удобно и даже педагогично. Это, значитъ, говорить случайно обо всемъ.

Въ заключеніе книги своей г. Рощинъ говоритъ и о преподаваніи Закона Божія, но, вмѣсто изложенія методики этого предмета, онъ просто выписываетъ цѣликомъ «программу преподаванія Закона Божія въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ», составленную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и одобренную Св. Синодомъ 27-го Сентября 1869 г. Но программа и методика обученія не одно и то же, и одно другаго замѣнить не могутъ.

Обученіе пѣнію авторомъ почему-то совсѣмъ оставлено въ сторонѣ.

Хорошую сторону труда г. Рощина составляетъ указаніе русской литературы по различнымъ отдѣламъ педагоги и дидактики, хотя и здѣсь замѣчаются недостатки выбора и пропуски. Такъ въ числѣ пособій учебныхъ мы не находимъ «Методики Ариѳметики» Евтушевскаго, — труда во всякомъ случаѣ почтеннаго.

Въ концѣ книги есть особое указаніе наглядныхъ учебно-воспитательныхъ пособій для начальной школы, довольно полное и обстоятельное.

Такимъ образомъ трудъ г. Рощина, хотя и представляетъ нѣчто полезное для руководства учителей народныхъ школъ, но, какъ видно изъ предложеннаго разбора его, заключая въ себѣ не мало и погрѣшностей, вообще далеко отъ желаемой степени совершенства и во всякомъ случаѣ требовалъ бы пересмотра и исправленій. Такъ какъ «Очеркъ» г. Рощина составленъ не по программѣ педагоги, принятой для духовныхъ семинарій, то, независимо отъ обработки его, принять разсматриваемый трудъ въ руководство для семинарій по педагогикѣ нельзя; но, принимая въ соображеніе что въ книгѣ Рощина собранъ матеріалъ не бесполезный для руководства учителей народныхъ школъ, учебный комитетъ полагалъ бы возможнымъ допустить книгу г. Рощина: «Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и методики» (2-ое изд. Москва. 1873 г.) для приобрѣтенія въ семинарскія библіотеки, въ видѣ пособія для преподавателей педагоги, предложивъ автору принять въ соображеніе изложенныя выше замѣчанія при послѣдующихъ изданіяхъ книги.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Назначены Благочинными: Житомирскаго уѣзда 2-го округа священникъ с. Староселья Григорій *Денбиовецкій*, вмѣсто Силы Ковальницкаго, по прошенію уволеннаго отъ сей должности; Владиміръ-Вольнскаго уѣзда 1-го Округа священникъ м. Устилуга Флоръ *Куликъ*, вмѣсто уволеннаго по прошенію Иліи Клопотовича, на мѣсто уволеннаго отъ должности Благочиннаго 2-го округа Староконстантиновскаго уѣзда, Священника Симеона Морачевича, назначенъ Благочиннымъ Священникъ села Лагодинецъ тогоже уѣзда Михаилъ *Павловичъ*.

Перемѣщены, по прошеніямъ, изъ Коренскаго жеискаго въ Любарскій такой же монастырь послушницы: рясофорныя—Марія *Линина*, Парфенія *Казукова*, Акиллина *Столярева*, не рясофорныя—Акиллина *Линина*, Марія *Захарыичъ* и Параскева *Казукова*; одни на мѣсто другихъ: священники—Заслав. уѣзда с. Вербовець Михаилъ *Савлушинскій* и Дубен. уѣзда с. Смолявы Николай *Савлушинскій*, пономари—Ровенской Соборной Церкви Георгій *Малевицъ* и с. Ясенинцъ Іона *Котыковичъ*.

Избранъ и утвержденъ въ должности слѣдственнаго Депутата священникъ м. Искорости, Овруч. уѣзда, Симеонъ *Дотоуцкій*.

Объявлена Архипастырская Его Высокопреосвященства благодарность за благочестивое усердіе ко храму Божію Помѣщицъ с. Жуковецъ, Кременец. уѣзда, Графиня *Андерсъ*—*Веймаръ* и священнику тогоже села Василию *Новоселецкому*.

ЦЕРКОВНАЯ ХРОНИКА

Въ субботу (7 Сент.), въ Успенскомъ Соборѣ Почаевскія Лавры, послѣ Божественной Литургіи, Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, Архіепископомъ Волынскимъ, совершѣнъ Агаѳистъ Пресвятой Богородицѣ предъ Чудотворною Ея Иконою, а съ 5½ до 9½ часовъ вечера въ томъ же Соборѣ Лавры Преосвященнѣйшимъ Іустиномъ, Епископомъ Острожскимъ, Волынскимъ Викаріемъ, совершенно всенощное бдѣніе.

Въ воскресенье (8 Сент.), въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, въ Успенскомъ Соборѣ Почаевскія Лавры Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, Архіепископомъ Волынскимъ и Преосвященнѣйшимъ Іустиномъ, Волынскимъ Викаріемъ, совершена Божественная Литургія и благодарственный молебенъ (послужаю) празднованія дней рожденія Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Благовѣрной Государьни Великой Княгини Ольги Феодоровны. На Литургіи рукоположенъ въ Діакона бывшій учитель Погарскаго училища, окончившій курсъ Семинаріи, Іуліанъ *Литвиновичъ*. Произнесъ слово Іеромонахъ Лавры *Платонъ*.

Въ пятницу (13 Сент.) въ Успенскомъ Соборѣ Почаевскія Лавры Преосвященнѣйшимъ Іустиномъ совершено всенощное бдѣніе, а въ субботу (14 Сент.), въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, въ томъ же Соборѣ Лавры Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, Архіепископомъ Волынскимъ и Преосвященнѣйшимъ Іустиномъ, Епископомъ Острожскимъ, Волынскимъ Викаріемъ, совершена Божественная Литургія, на которой рукоположенъ: Діаконъ Іуліанъ *Литвиновичъ* во Священника, а псаломщикъ Студентъ Семинаріи, Антонъ *Олесьицкій* въ Діакона. Произнесъ слово Іеромонахъ Лавры *Платонъ*.

Въ воскресенье, (15 Сент.), Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, Архіепископомъ Волынскимъ, совершено въ м. Радзивиловѣ, Кременецкаго уѣзда, освященіе вновь сооруженнаго каменнаго храма, котораго постройка начата была еще въ 1824 году. На Литургіи рукоположенъ во Священника діаконъ Антонъ *Олесницкій*. Произнесъ слово Настоятель Радзивиловской церкви, Протоіерей, Петръ *Петровскій*.

СПИСОЕЪ УЧЕНИКОВЪ ПРИНЯТЫХЪ ВЪ ВОЛЫНСКУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРІЮ ВЪ НАЧАЛѢ 1874 УЧЕБНАГО ГОДА.

ВЪ 1-й КЛАССЪ
1-е Отдѣленіе.

- Василій Смородскій
- Александръ Страшкевичъ
- Христофоръ Владимірскій
- Филаретъ Жураховскій
- 5 Николай Песоцкій
- Петръ Баторевичъ
- Гермогенъ Вилинскій
- Михаилъ Переверзевъ
- Стефанъ Тараневичъ
- 10 Самуилъ Кудринскій
- Леонтій Туркевичъ
- Поликарпъ Давидовичъ
- Паисій Львовичъ
- Арсеній Сухозанетъ
- 15 Константинъ Гапановичъ
- Мелетій Литвиновичъ
- Иванъ Петровскій
- Александръ Кириловичъ
- Осипъ Каролинскій

- 20 Михаилъ Абрамовичъ
Николай Шеметило
Ѳеодоръ Концевичъ
Михаилъ Ковернинскій
Стефанъ Сѣницій
Антонъ Степанекъ (Чехъ).

ВЪ 1-й КЛАССЪ

2-е Отдѣленіе

- Юліанъ Осипчикій
Александръ Фирліевичъ
Поликарпъ Ненадкевичъ
Константинъ Голоскевичъ
5 Осипъ Миляшкевичъ
Гервасій Лойко
Иванъ Дверницкій
Яковъ Островскій
Иванъ Волкановичъ
10 Николай Сагайдаковскій
Осипъ Захаревичъ
Терентій Сычинскій
Іустинъ Герштанскій
Ѳеодоръ Яновскій
15 Константинъ Бречкевичъ
Владиміръ Захарьяшевичъ
Мелетій Саковичъ
Николай Кокалевскій
Иванъ Помазанскій
20 Арсеній Гапановичъ
Константинъ Малевичъ
Александръ Квашевскій

ВЪ 2-й КЛАССЪ

Михаилъ Восинскій

ВЪ 3-й КЛАССЪ

Святополкъ Степанекъ (чехъ)

ВЪ V КЛАССЪ

Діаконъ Ипполитъ Левицкій
Діаконъ Василій Мельниковъ.

Не приняты въ 1-й классъ Семинаріи, какъ новыдер-
жавшіе удовлетворительно экзамена.

изъ Милецкаго Училища:

- 1 Ѳеодоръ Лашкевичъ
 Александръ Юркевичъ
 Константинъ Лашкевичъ
 Модестъ Моргаевскій

- 5 Алексій Буховичъ

изъ Кременецкаго Училища

- Стефанъ Бобровицкій
 Алексій Озаркевичъ
 Зенонъ Прокоповичъ
 Амфіанъ Синеуцкій
10 Никаноръ Малюжковичъ
 Николай Хращевскій
 Арсеній Зенькевичъ
 Евгеній Голдаевичъ

- 15 Владиміръ Яржемскій
 Ѳеодоръ Гадзяцкій
 Николай Хршановичъ
 Модестъ Капустинскій

изъ Житомирскаго Училища

- Михаилъ Михневичъ
 Тихонъ Сѣвницкій
20 Венедиктъ Бучинскій
 Иванъ Буйницкій
 Михаилъ Домбровскій
 Иванъ Малевичъ

изъ Дерманскаго Училища

Константинъ Березницкій

- 25 Филаретъ Добровольскій
Дмитрій Бережницкій
Константинъ Опатовичъ
Филиппъ Слодкевичъ
Александръ Кольчинскій
- 30 Антонъ Майборода

Стефанъ Кубаевскій } изъ Жировицкаго ду-
ховнаго Училища.

Николай Хращевскій } изъ Кіевскаго ду-
ховнаго Училища

Слѣдующіе ученики Семинаріи предназначенные, въ Іюль мѣсяцъ сего года къ переэкзаменовкѣ по выдержаніи оной удовлетворительно, переведены въ высшіе классы:

ВЪ IV КЛАССЪ

Антонъ Жуковичъ

ВЪ III КЛАССЪ

Фавстъ Очковскій

Николай Компанскій

Авксентій Радкевичъ

Никита Кроткевичъ

ВЪ II КЛАССЪ

Аввакумъ Ленчевскій

Германъ Львовичъ

Иванъ Санкевичъ

Василій Садовскій

Оставлены въ тѣхъ же классахъ а) за невыдержаніемъ переэкзаменовки:

ВЪ III КЛАССЪ

Семень Герштанскій

ВЪ II КЛАССЪ

Яковъ Харкевичъ

Филиппъ Тараневичъ

Арефа Дверницкій
Викторъ Новосадскій

ВЪ I КЛАССѢ

Митрофанъ Ненадкевичъ
Игнатій Кульчинскій

б) за неявкою къ переэкзаменовкѣ

ВЪ IV КЛАССѢ

Петръ Лисицкій

ВО II КЛАССѢ

Андрей Раздольскій
Иванъ Кримпиновичъ

Увольняется изъ Семинаріи за малоуспѣшность
ученикъ I класса

Иванъ Корженевскій, два года уже учившій-
ся въ 1-мъ классѣ.

Обончившій курсъ Семинаріи въ 3-мъ разрядѣ Иванъ Кор-
наковскій послѣ переэкзаменовки по Догматическому и Нрав-
ственному Богословію причисленъ ко 2-му разряду.

Увольненіе отъ службы.

Приказомъ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода 5
Сентября уволенъ отъ службы согласно прошенію Учи-
тель Греческаго языка въ Вольнской Духовной Семина-
ріи *Аничковъ*.

*Отъ Правленія Кременецкаго Духовнаго
училища.*

При Кременецкомъ духовномъ училищѣ состоитъ въ
настоящее время вакантною должность учителя чистопи-
санія.

Редакторъ *П. Бѣллевъ*.
Дозволено цензурою. Кременецъ. 17 Сентября 1874 года.

Печатается въ типографіи Почаевской Лавры.

— 200 —

ВОЛЫНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 19

1 Октября № 19 1874 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Кіевлянинъ сообщаетъ что 30-го августа, послѣ освященія новаго православнаго собора въ Житомирѣ, кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ привѣтствовалъ Его Императорское Величество слѣдующею телеграммой изъ Житомира:

«Сегодня, въ радостный день тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, освященъ вновь сооруженный великолѣпный житомирскій православный соборъ. По принесеніи въ семъ соборѣ, воздвигнутомъ щедротами Вашего Величества, благодарственнаго молебствія о здравіи и долгоденствіи Вашего Величества, жители всего юго-западнаго края, вмѣстѣ со мною, приносятъ всеподданнѣйшія поздравленія со днемъ тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, а православное населеніе Житомира—глубочайшую свою благодарность за сооруженіе для нихъ соборнаго храма».

Въ отвѣтъ на принесенное поздравленіе, князь Дондуковъ-Корсаковъ въ тотъ же день былъ осчастливленъ слѣдующею телеграммой изъ Ливадіи:

«БЛАГОДАРИЮ ДУШЕВНО ЗА ПРИНЕСЕННОЕ ВАМИ ОТЪ СЕБЯ И ВВѢРЕННАГО ВАМЪ КРАЯ ПОЗДРАВЛЕНІЕ; РАДУЮСЬ ОСВЯЩЕНІЮ ХРАМА ВЪ ЖИТОМИРѢ.

АЛЕКСАНДРЪ».

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА ОБЕРЪ-ПРО-
КУРОРА СВЯТѢЙШАГО СУНОДА ПО ДУХОВНОМУ ВѢДОМСТВУ
ЗА 1872 ГОДЪ.

*Производство пенсій и единовременныхъ пособій лицамъ,
духовнаго званія и семействамъ ихъ.*

Высшее духовное начальство не переставало оказывать постоянныя или единовременныя вспомошествованія священно-церковнослужителямъ, увольняемымъ за штатъ по преклонности лѣтъ или болѣзненному состоянью, и зирямымъ семействамъ ихъ, заботясь въ тоже время о возможномъ увеличеніи средствъ, на этотъ предметъ назначенныхъ. Въ виду недостаточности опредѣленнаго изъ государственнаго казначейства кредита на производство пенсій и единовременныхъ пособій епархіальному духовенству (въ 317.711 р. 60 к.), святѣйшій Синодъ ходатайствовалъ объ увеличеніи сего кредита: 1) производствомъ двухпроцентнаго вычета изъ жалованья тѣхъ церковныхъ причтовъ, у коихъ вычетъ этотъ еще не производился именно: причтовъ церкви, перечисленныхъ изъ удѣльнаго и военнаго вѣдомствъ въ епархіальное, въ епархіяхъ архангельской, вятской, екатеринославской, костромской, пермской, симбирской, харьковской и херсонской, причта ижевскаго оружейнаго завода. Вятской епархіи, и съ добавочнаго содержанія причтовъ кафедральныхъ соборовъ: кievскаго, волынскаго и подольскаго; 2) причисленіемъ, сверхъ того, къ пенсіонному кредиту духовнаго вѣдомства 4.244 р. 45 к., составляющихъ двухпроцентный вычетъ, производившійся уже съ духовенства нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, но не вошедшій въ сумму пенсіоннаго кредита до 1872 г. Внесенное въ государственный совѣтъ представленіе по сему предмету въ 22 день августа 1872 г. удостоено Высочайшаго утвержденія. На семъ основаніи кредитъ для пенсій священнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства увеличился съ 1872 г. на 5.642 р. 76 к., а съ присоединеніемъ 650 р. 97 к. 2% вычета съ суммы, на

которую увеличилось на тотъ годъ содержаніе духовенства рижской епархіи, возвысился до 324.005 р. 34 к. На счетъ сего источника, согласно временнымъ пенсіоннымъ правиламъ, ассигновано пенсій: 1872 священникамъ и 1993 священническимъ вдовамъ, всего въ количествѣ 320.247 руб. 95 коп. Кромѣ того, въ 1872 году по недостатку пенсіоннаго кредита, ассигновано изъ имѣющихся въ распоряженіи святѣйшаго Синода средствъ: на выдачу за прежнее по 1872 г. время 6.453 р. 93 к., и къ производству съ 1872 года 9.910 р. Единовременныя пособія въ установленныхъ размѣрахъ выданы были, за безпорочную службу не менѣе 25 лѣтъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, 988 лицамъ на счетъ особаго сбора съ причтовъ, не получающихъ жалованья отъ казны, и на этотъ предметъ употреблено 44.720 руб.

Епархіальныя мѣры къ обезпеченію заштатнаго духовенства а также вдовъ и сиротъ духовныхъ лицъ.

Духовное правительство оказываетъ вспоможеніе изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ только тѣмъ лицамъ духовнаго званія и семействамъ тѣхъ лицъ, которыя подходятъ подъ существующія правила относительно пенсій и единовременныхъ пособій епархіальному духовенству. За тѣмъ въ епархіяхъ остается еще весьма значительное число заштатныхъ священноцерковнослужителей и вдовъ и сиротъ духовенства, которые, не пріобрѣвъ права на пенсію изъ казны, могутъ получать вспоможенія только изъ мѣстныхъ епархіальныхъ источниковъ. Для удовлетворенія крайнихъ нуждъ этихъ лицъ, во всѣхъ епархіяхъ существуютъ «епархіальныя попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія», средства коихъ главнымъ образомъ составляются и пополняются: а) изъ особаго кружечнаго по церквахъ сбора въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго происхожденія, б) частныхъ пожертвованій и в) сбора по пригласительнымъ листамъ, выдаваемымъ отъ попечительства приходскимъ священнослужителямъ. Къ 1872 году всѣ епархіальныя попечительства имѣли въ

своемъ распоряженіи: 87.106 р. 56 к. наличными деньгами и 3.146.911 р. 54 к. билетами кредитныхъ учреждений. Но и этотъ источникъ, долгимъ путемъ чрезмѣрныхъ сбереженій достигшій значительной, повидимому, цифры, далеко не покрываетъ нужды заштатныхъ священноцерковнослужителей и бѣдныхъ семействъ ихъ, по относительной къ нему многочисленности тѣхъ и другихъ. Посему какъ епархіальные преосвященные, такъ и само духовенство прилагаютъ заботы объ усиленіи средствъ епархіальныхъ попечительствъ, или объ изысканіи, въ дополненіе къ нимъ, иныхъ способовъ призрѣнія. Многіе изъ преосвященныхъ обращались къ подвѣдомственнымъ имъ священнослужителямъ съ предложеніями принять мѣры къ увеличенію сборовъ въ пользу попечительствъ по приглашительнымъ листамъ. Во многихъ епархіяхъ духовенство имѣло на своихъ съѣздахъ совѣщанія о мѣрахъ къ усиленію вообще попечительскихъ средствъ. Въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли, а также для предоставленія духовенству большей возможности содѣйствовать призрѣнію бѣдныхъ своихъ собратій и ихъ семействъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ему дается право принимать непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ попечительствъ. Въ минувшемъ году, духовенству херсонской епархіи преосвященнымъ дозволено избрать на общепархіальномъ съѣздѣ членовъ въ епархіальное попечительство; въ кавказской епархіи доставленіе попечительству свѣдѣній о вдовахъ, сиротахъ духовныхъ лицъ и заштатныхъ священноцерковнослужителяхъ и ходатайство о назначеніи имъ пособій изъ средствъ епархіи возложены на благочинническіе совѣты.

Ту же самую цѣль имѣетъ учрежденіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ попечительныхъ совѣтовъ и окружныхъ попечительствъ, дѣйствующихъ въ связи съ епархіальными попечительствами и по мѣстамъ заявляющихъ свою дѣятельность благотворными результатами. Изъ числа учреждений этого рода заслуживаютъ упоминанія открытыя въ 1866 году въ каждомъ благочинническомъ округѣ подоль-

ской епархіи окружныя попечительства. Кромѣ вспоможенія, выдаваемого состоящимъ въ округѣ бѣднымъ, изъ окружныхъ попечительствъ высылается ежегодно по 300 р, въ училище, при винницкомъ женскомъ монастырѣ, на воспитаніе тѣхъ священноцерковнослужительскихъ дочерей, которыя, за недостаткомъ вакансій, не могли быть приняты въ каменецкое училище дѣвицъ духовнаго званія, и не имѣютъ средствъ воспитываться въ тульчинскомъ епархіальномъ училищѣ. Остаточныя суммы, за выдачею пособій бѣднымъ, окружными попечительствами высылаются въ кредитныя учрежденія, или раздаются заумообразно нуждающимся священноцерковнослужителямъ подъ надежнымъ ручательствомъ въ исправномъ возвратѣ занятой суммы. Въ одномъ округѣ, по предложенію членовъ окружнаго попечительства, духовенство, въ отчетномъ году, постановило, кромѣ ежегодныхъ взносовъ въ пользу бѣдныхъ, отдѣлить собственно для вдовъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ церковной земли по 3 десятины пахатной и свободныя церковныя постройки съ небольшими огородами въ тѣхъ приходахъ, гдѣ при церкви состоитъ по одному только штатному псаломщику. Постановленіе это утверждено преосвященнымъ, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ, и чрезъ епархіальныя вѣдомости объявлено всему епархіальному духовенству въ тѣхъ видахъ, что такому доброму примѣру заботливости о бѣдныхъ вдовахъ и сиротахъ могутъ подражать причты и другіихъ округовъ. Кромѣ прямаго пособія осиротѣвшимъ семействамъ, всѣ окружныя попечительства, по распоряженію епархіальнаго попечительства, тщательно наблюдаютъ за сбереженіемъ сиротскихъ имуществъ, участвуютъ чрезъ своихъ членовъ, какъ въ избраніи благонадежныхъ опекуновъ, такъ и въ распоряженіяхъ по завѣдыванію имуществами и, наконецъ, повѣряютъ отчеты опекуновъ, представляемые ежегодно на ревизію въ епархіальное попечительство. Вообще, какъ свидѣтельствуется преосвященный подольскій окружныя попечительства, въ 1872 году, продолжали вполнѣ оправдывать тѣ надежды, какія возлагались на нихъ при ихъ учрежденіи. Къ 1 ян-

варя 1872 года въ окружныхъ попечительствахъ остаточной суммы было до 12.650 руб. и на 1873 годъ ожидается поступления до 12.000 руб. Столь же удовлетворительно дѣйствовали попечительные совѣты, существующіе въ каждомъ благотворительномъ округѣ вологодской епархіи. Въ минувшемъ году изъ средствъ изысканныхъ совѣтами выдано въ пособіе денегъ 5.634 р. 1.030 лицамъ, хлѣба 279 пудовъ 46 лицамъ, и попеченіемъ совѣтовъ, съ согласіемъ мѣстныхъ причтовъ, предоставлено 49 лицамъ пользованіе церковными землями. За тѣмъ въ нѣкоторыхъ совѣтахъ осталось къ текущему году до 4.500 р. Побуждаемое такими примѣрами живаго со стороны духовенства участія къ бѣднымъ своего званія, духовенство тамбовской епархіи на сѣздѣ, бывшемъ въ январѣ минувшаго года, обсуждая проектъ образованія вспомогательной кассы для бѣдныхъ той епархіи, составленный однимъ изъ священниковъ, признало необходимымъ, вмѣсто существующаго въ настоящемъ видѣ епархіальнаго попечительства, открыть уѣздные попечительные совѣты, которые, состоя подъ предѣдательствомъ градскаго благотворительнаго, изъ двухъ мѣстныхъ священниковъ и всѣхъ благотворительныхъ уѣзда, подъ главнымъ вѣдѣніемъ епархіальнаго преосвященнаго, должны заняться составленіемъ каждый въ своемъ уѣздѣ основнаго капитала для означенной кассы изъ постоянныхъ взносовъ и пожертвованій мѣстныхъ причтовъ. Для обсуждения этого дѣла преосвященный тамбовскій назначилъ особый комитетъ изъ двухъ членовъ консисторіи и двухъ членовъ епархіальнаго попечительства.

Учрежденіе эмеритальныхъ кассъ или обществъ взаимнаго вспоможенія во многихъ епархіяхъ продолжаетъ озабочивать духовенство, которое въ этомъ учрежденіи справедливо видитъ надежный источникъ обезпеченія и безпомощной старости и безпріютнаго сиротства. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ (с.-петербургской, московской, пермской, курской, минской, орловской, вятской, харьковской, пензенской, кievской, вольнской) дѣло объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ ограничивается пока лишь предварительною

разработкою вопроса, представляющаго не мало трудностей, совѣщаніями о немъ духовенства и составленіемъ проектовъ; въ другихъ же епархіяхъ (самарской, саратовской, иркутской, подольской) это дѣло стало уже приводиться въ исполненіе, и притомъ съ успѣхомъ довольно утѣшительнымъ. Учрежденная въ 1867 году эмеритальная касса духовенства самарской епархіи имѣла къ началу текущаго года до 70 т. капитала. Саратовское общество взаимнаго вспоможенія, открытое въ 1869 г., къ концу отчетнаго года располагало также капиталомъ до 60 т. р. Иркутское общество взаимнаго вспоможенія въ минувшемъ году имѣло, при 163 участникахъ, свободнаго капитала, остававшагося за выдачею пособій, свыше 7 т. руб. Эмеритальная касса въ подольской епархіи, не смотря на недавность своего учрежденія (въ 1871 г.) успѣла собрать значительный капиталъ: къ концу отчетнаго года онъ простирался до 24.400 руб. Къ поименованнымъ четыремъ кассамъ въ минувшемъ году присоединилось общество взаимной помощи для духовенства таврической епархіи. Бывшій въ августѣ 1872 г. мѣстный епархіальный съѣздъ духовенства, предположивъ учредить эмеритальную кассу въ епархіи, призналъ нужнымъ, до времени учрежденія такой кассы, пока вопросъ о ней будетъ разработанъ съ надлежащею точностью, немедленно составить взаимно-вспомогательный капиталъ, изъ котораго производилась бы выдача единовременнаго пособия вдовамъ лицъ епархіальной службы, а для образованія этого капитала установить общеобязательный взносъ въ размѣрѣ 10 руб. отъ священниковъ и 5 руб. отъ каждаго изъ прочихъ членовъ причта.

Предположенія объ учрежденіи ремесленныхъ школъ для дѣтей духовенства.

Среди заботъ о возможномъ обезпеченіи бѣдныхъ духовнаго званія, духовенство, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, не оставляетъ безъ вниманія участіи и тѣхъ дѣтей духовнаго происхожденія, которыя исключаются изъ духовныхъ

училищъ и семинарій, или не поступаютъ въ семинаріи по недостаточной подготовкѣ, и которыхъ положеніе значительно измѣнилось вслѣдствіе современныхъ преобразованій въ бытѣ духовенства. До изданія законовъ 16 апрѣля и 26 мая 1869 г., массы дѣтей духовенства, по малоспособности или малоуспѣшности увольняемыхъ изъ духовноучебныхъ заведеній, обращались въ епархіальное вѣдомство и затѣмъ опредѣлялись на мѣста причетниковъ и даже діаконѣ (въ сельскіе приходы); при недостаткѣ такихъ вакансій, ими переполнялись наши мужскіе монастыри, куда многіе изъ нихъ поступали безъ всякаго призванія къ монашеству и не съ цѣлію принять оное, а лишь въ видахъ практическаго приготовленія къ причетническимъ должностямъ и въ ожиданіи ихъ полученія. Положеніе 16 апрѣля 1869 года, требуя опредѣленія на должность псаломщика лицъ окончившихъ курсъ богословскаго образованія, и предположивъ сокращеніе штатнаго состава причтовъ, если не преградило, то значительно затруднило дѣтямъ духовенства, исклюаемымъ изъ духовныхъ училищъ и семинарій, доступъ къ какимъ либо должностямъ въ клирѣ, а неимѣніе средствъ къ содержанію и недостаточность подготовки къ поступленію въ свѣтскія учебныя заведенія для большей части изъ нихъ дѣлаютъ невозможнымъ продолженіе образованія внѣ духовной школы. Такимъ образомъ вопросъ о настоящемъ и будущемъ положеніи такихъ дѣтей не можетъ не озабочивать духовенство. Въ средѣ его возникнетъ убѣжденіе, что обученіе этихъ дѣтей ремесламъ было бы лучшимъ способомъ къ ихъ обезпеченію въ жизни, и распространяется мысль объ учрежденіи для нихъ своихъ ремесленныхъ школъ.

На вятскомъ епархіальномъ съѣздѣ, въ минувшемъ году, было сдѣлано однимъ изъ протоіереевъ заявленіе о томъ, что полезно было бы открыть въ вятской епархіи ремесленное училище для дѣтей духовенства, неокончившихъ курса въ уѣздномъ училищѣ по малоспособности, или непринятыхъ въ семинарію по окончаніи училищнаго курса. Это заявленіе было сочувственно принято вятскимъ духо-

венствомъ, которое просило того же протоіерея составить проектъ ремесленнаго училища и представить его на обсужденіе духовенства къ будущему епархіальному съѣзду. Въ саратовской епархіи восемь депутатовъ заявили на съѣздѣ духовенства о необходимости реальной школы для дѣтей его; и здѣсь духовенство съ сочувствіемъ отнеслось къ такому заявленію, но признало нужнымъ предварительно войти въ обсужденіе вопроса о томъ, лучше ли устроить свою отдѣльную школу или присоединиться къ существующей въ Саратовѣ Александровской ремесленной школѣ. Вологодское духовенство постановило: отпускать ежегодно изъ своихъ средствъ 250 руб. на уплату за обученіе дѣтей духовенства въ вологодскомъ ремесленномъ училищѣ. Въ московской епархіи мысль объ учрежденіи епархіальной ремесленной школы уже приводится въ исполненіе. Тамъ, по распоряженію преосвященнаго митрополита Иннокентія, для обсужденія этого дѣла былъ учрежденъ особый комитетъ, который предположилъ для дѣтей духовенства открыть училище иконописанія и ремеслъ, только относящихся къ украшенію храмовъ (рѣзьбы изъ дерева, золоченія, чеканной работы и т. п.), въ томъ соображеніи, чтобы дѣти служителей церкви и труды ремесленные для пріобрѣтенія средствъ къ жизни посвящали храмамъ Божиимъ. Дѣлу этому оказалъ весьма важное содѣйствіе почетный гражданинъ Хлудовъ, который для учрежденія означеннаго училища пожертвовалъ въ вѣчное владѣніе московскаго епархіальнаго вѣдомства каменный трехъэтажный домъ въ Москвѣ, съ землею и всѣми принадлежностями, и сверхъ того назначилъ отъ себя десять стипендій по 75 руб. каждая. Бывшій въ началѣ 1872 г. съѣздъ духовенства владимірской епархіи также пришелъ къ предположенію объ устройствѣ для дѣтей духовенства ремесленной школы, гдѣ они, по преимуществу обучались бы тѣмъ ремесламъ, которыя болѣе или менѣе приличны для дѣтей священно и церковнослужителей по самому ихъ происхожденію и воспитанію, каковы, кромѣ иконописанія, ремесла: чеканное, рѣзное, малярное, переплетное.

СЕЛО ПОЛЯХОВА,

ЗА СЛАВСКАГО УѢЗДА.

На самой границѣ Заславскаго уѣзда съ Острожскимъ, между мѣстечками Бѣлогородкою и Ляховцами, по бердичевскому тракту, лежитъ село Поляхова; оно состоитъ теперь изъ 70 хатъ и есть недавняго происхожденія, говорятъ, будто, здѣсь есть старожилы, которые помнятъ, что на этомъ мѣстѣ еще въ недавнее время было не болѣе 5-ти хатъ; но трудно вѣрится въ то, чтобы, въ теченіи какихъ нибудь восьмидесяти лѣтъ, могло расширяться и увеличиться здѣсь населеніе до такой значительной цифры. Правда князья Сангушки, которымъ принадлежитъ это имѣніе, могли изъ другихъ селеній выселять сюда жителей и такимъ образомъ въ короткое время завести здѣсь поселеніе. Поляхова издали представляется чрезвычайно красивымъ селеніемъ; дома по большей части хорошаго устройства съ каменными бѣлыми трубами, —отчего оно кажется мѣстечкомъ.—Жители здѣсь по большей части католическаго исповѣданія. Отчего эта мѣстность получила названіе Поляховы, съ точностію опредѣлить нельзя. (1) Есть впрочемъ между окрестными жителями древнее преданіе касательно названія этой мѣстности Поляховою; но на сколько справедливо оно, мы не беремся судить объ этомъ. Преданіе это слѣдующее: во

(1) Если бы эта мѣстность заселена была теперешними владѣльцами князьями Сангушками—то она никогда не носила бы названія Поляховы, такъ какъ это выраженіе очень щекотливо для поляка и католика, которыхъ обыкновенно просто народіе называетъ Ляхами, Ляховою и къ которымъ имѣютъ честь принадлежать и Сангушки, или по крайней мѣрѣ считаютъ себя таковыми. Кстати не безъ интересно будетъ, сказать нѣсколько словъ о князьяхъ Сангушкахъ. Бѣльскій, Кояловичъ, а за ними Папроцкій и Несѣцкій—польскіе писатели выводятъ между

время войнъ Богдана Хмѣльницкаго, когда онъ внезапно явился въ близъ лежащее мѣстечко Ляховцы, то засталъ тамъ множество Поляковъ; неизвѣстно только, проживали

прочими родъ князей Сангушковъ отъ Любарта Гедиминовича, но это подлежитъ большому сомнѣнію. Самуилъ Сангушко, отступникъ отъ Православія, въ своей генеалогіи, имъ же составленной, говорятъ, что Дмитрій Любартъ, имѣлъ одного только сына Михаила (что совсѣмъ не справедливо). Михаилъ же трехъ сыновъ: Θεодора, Михаила и Василя и что будто отъ Θεодора пошли князья Сангушки. Все это выдумка. Ибо а) ни Длугошъ, ни Кромеръ, древнѣйшіе историографы, а особенно первый, жившій при дворѣ, рѣшительно нигдѣ не упоминаетъ въ своей исторіи о князьяхъ Сангушкахъ. б) Въ помянникѣ, находящемся въ церкви села Уніева злочевского округа (въ Галиціи), принадлежавшемъ некогда Епископіи Галицкой, записанъ родъ князя Θεодора Любарта. Сыновья его: Θεодоръ и Димитрій дочери: Агрипина и Анастасія съ нисходящимъ потомствомъ (*Synowie Gedymina*) т. 1 стр. 170), но о Сангушкахъ въ этомъ помянникѣ и помину нѣтъ. Кромѣ того, какъ видно изъ онаго помянника, генеалогія Самуила Сангушки явно противорѣчитъ и самому помяннику и исторіи. Такъ у него значится, что Михаилъ имѣлъ трехъ сыновъ: Θεодора, Михаила и Василя, а въ помянникѣ даже не упоминается о Михаилѣ, а только что Θεодоръ имѣлъ двухъ сыновъ: Θεодора и Димитрія, очевидно эта запутанность родословія Князей Вольнскихъ, сдѣланная съ умысломъ Іезуитами, теперь составляетъ для насъ terra incognita. Но во всякомъ случаѣ въ настоящее время самые польскіе писатели, разумѣется благомыслящіе, отвергаютъ нелѣпость, выдуманною польскою партіею, касательно генеалогій Вольнскихъ князей и стараются сколько нибудь уяснить и докопаться правды въ нихъ—хотя это очень трудно. Зубрицкій прямо говоритъ, что князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Чарторійскіе, Сангушки и другіе суть Русины и происходятъ

они тамъ, или, можетъ быть, собрались туда изъ окрестностей подъ защиту укрѣпленнаго замка, такъ какъ это мѣстечко окружено было тогда валами и былъ уже тамъ замокъ. (1) Хмельницкій будто захвативши тамъ всѣхъ Поляковъ, вывелъ ихъ на степную равнину, идущую отъ Ляховець на югъ (гдѣ нынѣ деревня Окипъ) и здѣсь, велѣвъ ихъ впрячь въ плуги или сохи, вспахалъ ими огромное пространство, которое засѣялъ вслѣдъ за тѣмъ желудями. Отъ этой изнурительной работы многіе Поляки пали, а остальные всѣ безпощадно были истреблены. (2) Послѣ этого жестокаго подвига, козаки пошли далѣе къ древнему городу Лебедынь, совсѣмъ разоренному Татарами, и какъ не осталось при нихъ уже ни одного Поляка, взятаго изъ м. Ляховець, то они назвали это древнее городище Поляховою (См. Вол. Епарх. Вѣд. 1869 г.

отъ князей потомковъ Св. Владиміра (см. ист. Черв. Рус. стр. 390 прим. 274.).

(1) Что въ 1648 г., во время войнъ Хмельницкаго, козаки были въ Ляховцахъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ это время они разграбили богатую Ляховецкую бібліотеку Сенютовъ, прогнали Аріанъ, бывшихъ здѣсь при Доминиканскомъ костелѣ и введенныхъ сюда вторично Петромъ Сенютою, братаничемъ Христофора Павла Сенюты, который также едва ушелъ отъ нихъ изъ Ляховець (Originalne dokumenta z archimam Sieniut).

(2) Если справедливо это преданіе, то сію жестокость съ Поляками нельзя никакъ приписать Богдану Хмельницкому, который немогъ совершить такого безчеловѣчнаго поступка. Это, вѣроятно, учинилъ одинъ изъ такъ называемыхъ загоновъ, которыхъ въ то время много появилось на Волыни для защиты Православной вѣры и Русской народности; особенно отличался тогда загоноу Колодки, который въ то время опустошилъ города: Луцкъ, Ровно, Владиміръ, Заславль, Острогъ, Кременецъ и Дубно. Вѣроятно эта кровавая драма принадлежитъ Колодкѣ (См. Волынск. Епарх. вѣдомости 1869 г. № 18).

№ 18). Вотъ какъ народное преданіе объясняетъ происхожденіе названія Поляховы. Но что особенно замѣчательно, это преданіе сохранило намъ еще другое древнѣйшее преданіе именно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Поляхова, существовалъ въ былыя времена городъ Лебедынь, разоренный и уничтоженный совсѣмъ Татарами. Объ этомъ городѣ ни въ лѣтописяхъ, ни въ хроникахъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Но что здѣсь нѣкогда дѣйствительно была населенная мѣстность, и что здѣсь не разъ разыгрывались кровавыя драмы,—на это есть положительныя доказательства. Такъ а) за помѣщичьею усадьбой, не далеко отъ Бердичевского тракта, до сихъ поръ можно видѣть погреба занимающіе огромное пространство; число ихъ простирается до 20-ти и всѣ они обрушены теперь и завалены. Что за цѣль была бы устроить здѣсь погреба, если бы не было здѣсь поселенія съ богатыми жителями, которымъ необходимы погреба или для домашняго обихода, или для сохраненія своихъ имуществъ; а можетъ быть, эти погреба были тайниками въ которыхъ обыкновенно бывало укрываются жители во время непріятельскихъ нападений. Эти погреба, очевидно, говорятъ въ пользу того преданія, что здѣсь на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда городъ. б) На сѣверъ отъ этихъ погребовъ мѣстные жители находятъ множество желѣзныхъ остатковъ отъ окошекъ и дверей, также угля, изразцевъ, черепьевъ съ домашней посуды.—Это также доказываетъ, что здѣсь нѣкогда было поселеніе и притомъ богатое, такъ какъ оковки дверей и окошекъ у бѣдныхъ жителей не бываетъ, а равно и изразцы съ огрѣвательныхъ печекъ, уже какъ роскошь, принадлежатъ только богатымъ и зажиточнымъ жителямъ. Слѣдовательно, на основаніи встрѣчающихся здѣсь остатковъ, можно допустить справедливость того преданія, что здѣсь нѣкогда былъ городъ. А что онъ разоренъ былъ до тла Татарами—это неудивительно. Здѣсь проходитъ, такъ называемый, трактъ Кучманскій, которымъ чаще всего врывались Татары на Вольнь. Здѣсь не разъ происходили

ужасныя кровопролитія, — доказательствомъ сего можетъ служить множество кургановъ и могилъ, встрѣчающихся въ этой мѣстности и разсѣянныхъ на поляхъ и вблизи селеній. Очевидно, что эти курганы и могилы — временъ Татарскихъ нападений и опустошеній Волыни. Одни изъ этихъ кургановъ можно отнести къ сторожевымъ, а другіе къ такимъ въ которыхъ зарывались тѣла убитыхъ въ сраженіяхъ. Каждый изъ этихъ кургановъ теперь у мѣстныхъ жителей носитъ особенное названіе. Такъ примѣръ курганъ, находящійся по дорогѣ въ Бѣлогородку, называется *зайцовой могилой*, другой, по дорогѣ въ Бѣсовку, *павіювою*, третій лежащій по направленію къ Ляховцамъ, называется *катовой могилой*. Отъ чего эти курганы получили такія названія, народная молва не передаетъ намъ объ этомъ ни какихъ извѣстій. Наконецъ въ подтвержденіе того, что здѣсь не разъ вражеская сила стаякивалась съ родными сынами Волыни, можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ одинъ житель Поляховы (Мирецкій) нашелъ на своемъ огородѣ въ землѣ въ два локтя глубины огромный чешуйчатый панцырь и другіе воинскіе доспѣхи, изъ желтой мѣди. Вѣроятно здѣсь или былъ погребень кто либо изъ убитыхъ исполинскаго роста въ всѣхъ воинскихъ доспѣхахъ, или, можетъ быть, эти доспѣхи кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей, бывшихъ здѣсь, были сокрыты въ землѣ. Итакъ, допустивши справедливость народнаго преданія о существованіи здѣсь нѣкогда города, безъ всякаго сомнѣнія можно допустить и то, что онъ былъ разоренъ и уничтоженъ Татарами до тла. Но когда именно разоренъ — вотъ вопросъ. Между мѣстными жителями сохраняется преданіе, что во время послѣдняго набѣга Татаръ на здѣшнюю мѣстность всѣ окрестныя поселенія были совсѣмъ разорены и что остались только мѣстечки: Бѣлогородка, Корница и село Гуліевцы. Но это преданіе довольно темное; оно не указываетъ года, въ которомъ совершилось это нашествіе а говоритъ только, что во время послѣдняго Татарскаго набѣга. Послѣдніе

набѣги Татаръ крымскихъ на Волынь, и были въ концѣ XVII вѣка въ началѣ XVIII вѣка, а войны Богдана Хмельницкаго происходили въ концѣ первой половины XVII вѣка и городъ этотъ былъ уже тогда разоренъ и пустырь, оставшійся отъ этого города названъ былъ казаками Поляховою. Слѣдовательно разореніе его Татарами нужно отнести къ болѣе раннему времени—именно до XV вѣка, это предположеніе я основываю на томъ, что съ XV вѣка города и мѣстечка и даже селенія на Волыни стали укрѣпляться земляными окопами или валами, а это потому, что съ XV вѣка начались очень частыя и весьма опустошительныя набѣги Татаръ Крымцевъ на Волынь (См. Вол. Епарх. вѣд. 1872 г. № 22. м. Вышневецъ примѣч. 1.) Окопы или валы видны и теперь у каждаго почти мѣстечка и даже селенія Волыни, имѣющихъ характеръ древняго происхожденія. (1) Между тѣмъ въ мѣстности, гдѣ теперь Поляхова и гдѣ нѣкогда былъ городъ Лебедынъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ отъ окоповъ; значитъ онъ еще существовалъ въ такія времена, когда люди въ защиту своихъ селеній не прибѣгали къ означеннымъ средствамъ обороны а при приближеніи непріятеля скрывались или въ тайникахъ, обыкновенно устроенныхъ на мѣстѣ жительства, или искали убѣжища въ лѣсахъ. Такимъ образомъ Лебедынъ нужно отнести къ древнѣйшимъ городамъ Волыни, и разореніе его къ тому времени, когда еще Татары Кипчакскіе или золотой орды дѣлали нашествія на Волынь и опустошали ее. Болѣе замѣчательныя нашествія этихъ Татаръ на Волынь были слѣдующія: Батые 1241 г., Куремсы 1255 г., Будае 1261 г. и Эдигея Ногай съ Тембухомъ 1286 г. Это

(1) Сохранившіяся по преданію, отъ разоренія Татаръ м. Бѣлогородка и Корница, а также селеніе Гуліовцы до сихъ поръ имѣютъ громадныя валы, надъ которыми трудились, можетъ быть, десятки тысячъ рукъ и которые служили въ то время для народа защитою и обороною отъ непріятельскихъ нападений.

было послѣднее нашествіе Татаръ золотой орды на Во-
лынь, замѣчательное по варварству и своимъ жестоко-
стямъ и потому отмѣченное лѣтописцами на страницахъ
лѣтописей. По свидѣтельству Длугоша, въ это время Во-
лынь, служа перепутьемъ для Татаръ, стремившихся въ
Польшу, сдѣлалась жертвою не насытнаго ихъ варвар-
ства. Они грабили, убивали жителей въ тѣхъ мѣстахъ,
по которымъ проходили, и въ добавокъ сообщали имъ
еще язву, которая погубила множество людей во всей
Волини. По всей вѣроятности и Лебедынь, находившійся
на томъ самомъ пути, по которому обыкновенно Татары
врывались на Волынь и въ Польшу, подвергся страш-
ной участи—разоренію и опустошенію въ 1286 г. когда
Ногай Эдигей и Тембуха съ многочисленными полчища-
ми Татаръ шли въ Польшу. А что лѣтописцы не упоми-
наютъ о разореніи этого города; такъ это потому, что
они или не знали о его существованіи, или можетъ быть
не имѣли свѣдѣній о его разореніи. Волынь богата
остатками древнихъ городищъ, но по большей части ни
въ лѣтописяхъ, ни въ народномъ преданіи не сохранилось
названій этихъ городищъ, между тѣмъ здѣсь преданіе,
указывая на существованіе на мѣстѣ Поляховы нѣкогда
города, сохранило и самое имя этого города—Лебедынь.
Посему съ достовѣрностію можно допустить, что на томъ
мѣстѣ, гдѣ теперь Поляхова, существовалъ въ былыя
времена одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Волини Ле-
бедынь, который разоренъ былъ Татарами до тла, послѣ
чего онъ никогда уже невозобновлялся.

Священникъ А. Седульскій.

НЕКРОЛОГИ.

21 Августа скончался отъ водяной Епископъ Рижскій
и Митавскій Веніаминъ.

Преосвященный Веніаминъ—въ мѣрѣ Василій Кар-
линъ—родился въ 1822 г. въ селѣ Медвѣдевѣ, Рязан-

ской губерніи, Рязанскаго уѣзда. Онъ былъ сыномъ сельскаго причетника и первоначальное образованіе свое получилъ въ рязанской духовной семинаріи, въ которой учился съ 1838 по 1844 г. Высшее же богословское образованіе онъ получилъ въ московской духовной академіи, въ которой кончилъ курсъ въ 1848 г. со степенью магистра богословскихъ наукъ.

Въ томъ же 1848 году онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ рижское викаріатство, а въ слѣдующемъ 1849 году, 23 мая, преосвященнымъ Платономъ, архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ, былъ рукоположенъ во священника къ Кармельской церкви, что на островѣ Эзелѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи къ своему мѣсту, священникъ Василій Карелинъ былъ переведенъ къ Аренбургской церкви, съ опредѣленіемъ въ должность эзельскаго благочиннаго. Въ этой должности отецъ Карелинъ пребылъ до іюля 1852 года, когда преосвященный Платонъ, для пользы епархіальной службы, перемѣстилъ его священникомъ при рижской Алексѣевской церкви и вскорѣ назначилъ присутствующимъ въ рижской духовной консисторіи. Въ слѣдующемъ 1853 г. отецъ Карелинъ былъ опредѣленъ на должность профессора въ рижской духовной семинаріи и въ теченіе 2 лѣтъ преподавалъ въ оной логику, психологію и латинскій языкъ. вмѣстѣ съ опредѣленіемъ на должность профессора на него возложена обязанность быть сотрудникомъ по изданію журнала *Училища благочестія*. Въ слѣдующемъ 1854 г., 24 марта, отецъ Карелинъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Веніаминъ, и въ октябрѣ того же года былъ опредѣленъ членомъ рижской духовной консисторіи и членомъ правленія рижской духовной семинаріи.

Съ 1855 г. инокъ Веніаминъ преподавалъ исторію русскаго раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи 5 класса рижской духовной семинаріи, археологію въ 6 классѣ и священную герменевтику въ той же семинаріи. Въ 1856 году онъ былъ утвержденъ инспекторомъ семинаріи, а въ 1857 г., 31 декабря, за отлично-усердное и полезное

исполненіе обязанностей, возведенъ въ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ степени настоятеля третьекласснаго монастыря. Будучи инспекторомъ семинаріи, архимандритъ Веніаминъ неоднократно исправлялъ должность ректора оной, а съ 1858 г. преподавалъ греческій языкъ въ 5 и 6 классахъ той же семинаріи.

Въ 1859 г. 15 декабря, архимандритъ Веніаминъ былъ переименованъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ астраханскую духовную семинарію, и затѣмъ въ іюль 1862 года тѣмъ же званіемъ былъ переименованъ въ пермскую духовную семинарію. Въ 1863 году онъ былъ опредѣленъ благочиннымъ монастырей пермской епархіи, а въ 1865 г. 25 января, ему была присвоена степень настоятеля второкласснаго монастыря.

6 апрѣля 1866 г. высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Синоду, архимандриту Веніамину всеилостивѣйше повелѣно быть епископомъ ревельскимъ, викаріемъ рижской епархіи. Въ томъ же 1866 г., 29 мая, онъ былъ хиротонисанъ во епископа въ петербургскомъ Исаіевскомъ соборѣ, а въ 1867 г., 10 марта, по отбытіи изъ Риги преосвященнаго Платона, ему было поручено управленіе рижскою епархіею. 2 марта 1870 г. преосвященному Веніамину высочайше повелѣно быть епископомъ рижскимъ и митавскимъ, а 8 апрѣля 1873 г., за ревностную заботливость о духовномъ благѣ вѣрноподданной паствы и утвержденіе въ ней православной вѣры, всеилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1 степени.

Во время управленія рижскою епархіею преосвященнымъ Веніаминомъ, правительство предприняло существенно важныя улучшенія въ положеніи сельскихъ православныхъ приходовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Постройка новыхъ храмовъ, устройство школъ, учрежденіе училищнаго совѣта и Прибалтійской учительской семинаріи, улучшеніе быта сельскихъ приходскихъ священниковъ и причтовъ, сосредоточеніе православнаго сельскаго населенія близъ храмовъ—таковы благодѣтельные преобразованія, совершенныя въ рижской епархіи правительствомъ

въ послѣднія семь лѣтъ. Преосвященный Веніаминъ въ этихъ преобразованіяхъ принималъ самое дѣятельное участіе и не щадилъ трудовъ своихъ, чтобы осуществить предначертанія государя императора на благо рижской епархіи.

Смерть прекратила дни высокочтимаго пастыря слишкомъ преждевременно. (Соврем. извѣстія № 214).

— 18 Августа въ Кіевѣ скончался Камергеръ Двора дѣйств. статскій совѣтникъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, принадлежащій къ семейству Муравьевыхъ, изъ котораго вышли такіе замѣчательные государственные дѣятели, какъ графъ М. Н. Муравьевъ, прославившійся въ послѣднее время жизни усмирениемъ повстанья въ сѣверо-западномъ краѣ, генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ, бывшій въ концѣ крымской войны главнокомандующимъ на кавказѣ-покоритель Карса и графъ Н. Н. Муравьевъ Амурскій, извѣстный присоединеніемъ къ Россіи при амурской области. Андрей Николаевичъ былъ меньшей изъ братьевъ. Онъ приобрѣлъ въ Россіи литературную извѣстность какъ путешественникъ по Святымъ мѣстамъ (на востокѣ и въ Россіи), а также какъ ревнитель церковной исторіи, литературы и древностей. Изданья имъ въ тридцатыхъ годахъ «путешествіе на востокѣ» и «путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ» имѣли въ свое время весьма значительный успѣхъ и огромный кругъ читателей, пока не появилось въ сороковыхъ годахъ извѣстное сочиненіе о томъ же предметѣ А. С. Норова, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, далеко оставляющее за собою впоучености трудъ Муравьева, написанный болѣе для легкаго, благочестиваго чтенія. Изъ другихъ сочиненій покойнаго А. Н. замѣчательны: 1) Римскія письма, 2) Письма съ востока, 3) Письма о богослуженіи восточной церкви, 4) исторія Іерусалима, 5) Исторія первыхъ 4 вѣковъ христіанства, 6) Исторія Русской церкви, 7) Грузія и Армения, 8) Кіевъ и его святыня, 9) Битва при Тиверіадѣ, трагедія и

10). **Драматическіе эскизы Данта.** Оставя служебную дѣятельность (последняя служба его была по министерству государственныхъ имуществъ предсѣдателемъ одной изъ губернскихъ палатъ, въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника и въ званіи камергера, Андрей Николаевичъ жилъ сначала въ Москвѣ, а съ конца 50-хъ годовъ сдѣлался осѣдлымъ жителемъ Кіева. Здѣсь онъ построилъ себѣ домъ напротивъ Андреевской церкви (который былъ ктиторомъ), въ высшей степени живописной мѣстности, которую почитали долгомъ осматривать все путешественники, пріѣзжавшіе въ нашъ городъ; удостоивали посѣщеніемъ усадьбу А. Н-ча и Высочайшія особы.

Покойникъ находился въ перепискѣ со многими іерархами не только въ Россіи, но и на востокѣ. Особенно близокъ онъ былъ съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, обширную свою переписку съ которымъ издалъ въ 1868 году, послѣ смерти іерарха.

Андрей Николаевичъ въ послѣдніе два или три года былъ предсѣдателемъ совѣта кіевского свято-владимірскаго братства. Его стараніями установленъ въ 1861 году извѣстный крестный ходъ къ памятнику св. Владимира въ Кіевѣ; его же ревностію воздвигнуть подземный храмъ въ церкви Андрея Первозваннаго, гдѣ и погребено было 22 августа тѣло покойнаго.

Занѣскольکو мѣсяцевъ передъ смертію, весною этого года, А. Н. Муравьевъ посѣтилъ святыни Аѳонской горы. Онъ скончался на 76 году жизни.

(Кіевлянинъ № 101.)
— 1. Сентября скончался въ Москвѣ Протоіерей Петръ Матвѣевичъ Терновскій.

Петръ Матвѣевичъ родился въ Москвѣ, въ 1798 году. По окончаніи курса въ Московской духовной академіи, въ 1822 году, онъ былъ удостоенъ степени магистра и опредѣленъ въ эту академію бакалавромъ греческаго языка. Въ 1827 году рукоположенъ митрополитомъ Филаретомъ во священника и опредѣленъ въ должность орди-

нарнаго профессора богословія и церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1837 году возведенъ на степень доктора богословскихъ наукъ и въ санъ протоіерея. Въ 1850 году ему поручено, сверхъ богословскихъ наукъ, преподаваніе въ университетѣ опытной психологіи и логики. Въ 1852 году утверждён въ званіи заслуженнаго профессора. Въ 1857 году исполнилось тридцатипятилѣтіе ученой служебной дѣятельности Петра Матвѣевича; затѣмъ онъ, оставивъ университетъ, слишкомъ шестнадцать лѣтъ состоялъ настоятелемъ Петро-Павловской, что въ Новой Басманной, церкви.

Петръ Матвѣевичъ участвовалъ въ переводѣ Священнаго Писанія съ еврейскаго языка на русскій и занимался переводомъ Твореній Св. Отцевъ съ греческаго на русскій языкъ для *Христіанскаго Чтенія*. Изъ сочиненій его извѣстны: *Богословіе догматическое*, *Слово о Пророчествахъ Ветхаго Завета*.

Состоя профессоромъ университета, Петръ Матвѣевичъ поучалъ и словомъ, и примѣромъ. Слушатели его постоянно видѣли въ немъ образецъ любви къ ближнему, заповѣданной Спасителемъ. Петръ Матвѣевичъ всегда готовъ былъ служить ближнему съ полнымъ самопожертвованіемъ.

Въ изъявленіе высокаго уваженія къ заслугамъ Петра Матвѣевича, онъ былъ почтенъ отъ совѣта Московскаго университета званіемъ почетнаго члена университета, а отъ конференціи Московской духовной академіи—званіемъ дѣйствительнаго члена академіи.

Оставивъ службу при университетѣ, Петръ Матвѣевичъ, въ качествѣ настоятеля приходской церкви и благочиннаго, съ примѣрнымъ христіанскимъ самопожертвованіемъ исполнялъ возложенныя на него обязанности, пока болѣзнь не лишила его средствъ продолжать служеніе церкви.

7-го Сентября вечеромъ скончался въ Харьковѣ преосвященный *Нектарій* (Надеждинъ) Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Покойный былъ воспитанникомъ кievской

духовной академіи, въ которой въ 1842 году постригся въ монашество, а въ 1843-мъ окончилъ курсы. По возведеніи въ санъ архимандрита въ 1850-мъ году, онъ, съ 1851 по 1859 годы, постепенно занималъ должности ректора въ семинаріяхъ кievской, новгородской и с.-петербургской, а въ 1859 году былъ назначенъ ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, съ посвященіемъ въ санъ епископа Выборгскаго. Въ 1860 году переведенъ на нижегородскую епископскую кафедру, въ 1867 году возведенъ здѣсь въ санъ архіепископа, а въ 1869 году назначенъ архіепископомъ Харьковскимъ.

МНѢНІЕ АНГЛІЙСКАГО ВРАЧА О ПОСТЯХЪ.

Въ англійскомъ «Церк. Обзорѣи» напечатана записка одного врача—подъ заглавіемъ: Церковное правило о постѣ съ медицинскою точки зрѣнія», читанная имъ предъ сен-дукской корпораціей. Не лишне познакомиться съ отношеніемъ къ посту близкому и для насъ, православныхъ, вопросу со стороны такого лица, каковъ былъ авторъ вышеназванной записки, медикъ по профессіи и протестантъ по вѣроисповѣданію.

Авторъ прежде всего устанавливаетъ и обосновываетъ ссылки на цитатами изъ св. Писанія въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ, церковной исторіи, церковныхъ каноновъ, отцевъ Церкви и новѣйшихъ церковныхъ писателей, то положеніе, что постъ есть божественное и церковное установленіе и въ этомъ смыслѣ обязательно для всѣхъ христіанъ; что онъ всегда соблюдался въ первыя и цвѣтущія времена христіанской жизни. Кромѣ того: обычай поста, по мнѣнію автора-врача—древній и почти всеобщій, составляетъ даже нѣчто въ родѣ требованія закона природы человѣческой. «Мы находимъ свидѣтельства, что къ посту прибѣгаютъ язычники во дни бѣдствій: такъ напр. Финикіяне наложили на себя постъ, когда пророкъ Іона возвѣстилъ имъ о разрушеніи ихъ города; постились

также и римляне, ѣхавшіе въ Римъ на одномъ кораблѣ съ ап. Павломъ и застигнутые на морѣ сильнѣйшею бурей. Во всякой религіи постъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ предписаній. Индусы—великіе постники. Они соблюдаютъ извѣстную *шандрайяна*, состоящую въ томъ, что, считая со дня каждаго полнолунія, они уменьшаютъ ежедневно пріемъ пищи на одинъ глотокъ, такъ что на 15-й день мѣсяца приходится только одинъ глотокъ принимаемой ими пищи; съ 15-го дня они начинаютъ прибавлять по одному глотку на день—до дня новаго полнолунія. Такимъ образомъ количество принимаемой ими пищи въ продолженіе мѣсяца упадаетъ съ 15 глотковъ до 1, и снова возрастаетъ съ 1 до 15 (всего 239 глотковъ). Религіозные изъ индусовъ и до сихъ поръ не принимаютъ пищи въ нѣкоторые дни до захожденія солнца; а ихъ йоги практикуютъ постъ въ чрезмѣрной степени. Магометане въ продолженіе мѣсяца рамазана не ѣдятъ до захожденія солнца и никакое мученіе жажды—когда мѣсяць этотъ падаетъ на жаркое время года—не заставитъ ихъ принять каплю воды до солнечнаго заката. Буддисты строго и регулярно постятся въ первый и восьмой день каждаго ново- и полнолунія. У сѣверо американскихъ индійцевъ, по свидѣтельству Катлина, есть много временъ и случаевъ въ году, когда они постятся нѣсколько дней сразу. Посты эти бывають въ опредѣленные времена и въ опредѣленную цѣлю; соблюдаются строго и имѣють строго-религіозный характеръ. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ и, кажется, общій всемъ индійцамъ—это постъ по случаю достиженія совершеннолѣтія. Онъ продолжается различно у разныхъ племенъ—отъ 4 до 7 дней, въ теченіе которыхъ достигшій совершеннолѣтія молится о божьихъ особенныхъ благодѣяніяхъ для своего народа. Этотъ постъ послужилъ предметомъ для одной національной пѣсни, «пѣсни о Гіаватѣ», который постился въ лѣсу 7 дней и 7 ночей и удостоился за это высшей награды—явленія ему Мондамина *твэодеи эидо*.

Кромѣ только что приведенныхъ доказательствъ въ пользу существованія въ природѣ человѣческой какого-то вле

ченія къ посту, въ подтвержденіе того же самаго можетъ быть приведено старинное и глубоко укоренившееся предубѣжденіе, или скорѣе убѣжденіе, о необходимости по временамъ истощать плоть. Не такъ давно у весьма многихъ былъ обычай весною и осенью пускать у себя нѣсколько крови. Хотя эта система періодическихъ кровопусканій и вышла изъ моды, но люди все таки нуждаются въ замѣненіи ихъ чѣмъ либо, доказательствомъ чего служить существованіе въ продажѣ множество медикаментовъ, имѣющихъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ кровоочищеніе въ извѣстныя времена года. Вообще, говоря словами старинной пословицы, «постъ есть подметальщикъ природы». Важно, впрочемъ, не смѣшивать постъ *религіозный*, стоящій въ зависимости отъ вѣры и благочестія и служащій средствомъ для приведенія насъ въ состояніе раскаянія и смиренія предъ Богомъ, и постъ *матеріальный*, имѣющій въ виду только здоровье тѣла. Авторъ записки надѣется избѣгнуть (такого смѣшенія, доказавши свидѣтельствами изъ древнихъ отцевъ, и учителей Церкви, что и при соблюденіи религіознаго поста не упускались изъ вида условія тѣлеснаго здоровья. Сущность приводимыхъ имъ свидѣтельствъ сводится къ тому, что въ древней Церкви существовала обширная свобода относительно поста и правила о постѣ сообразовались съ условіями страны и народа, что правило о постѣ, имѣя въ виду приучить людей уменьшать въ извѣстныя времена количество принимаемой пищи и отказывать себѣ въ особенно нравящихся кушаньяхъ, въ то же время дозволяло употребленіе пищи, необходимой для поддержанія здоровья тѣла и достаточно подкрѣпляющей человѣка для выполненія лежащихъ на немъ обязанностей. Во всѣ вѣка Церковь допускала изъятія изъ обязанности поститься для малолѣтнихъ и стариковъ, больныхъ, немощныхъ, женщинъ, кормящихъ грудью, бѣдняковъ, пища которыхъ вообще недостаточна, и несущихъ тяжелыя работы. Медицина теперь точно также требуетъ, чтобы при соблюденіи поста соображались съ извѣстными условіями и по требо-

ванію ихъ иногда или вовсе прекращали бы, или значительно видоизмѣняли бы его. Этими условіями она признаетъ: климатъ страны, время года, здоровье, состояніе, возрастъ отдѣльнаго лица. Извѣстно напр., что для жителя тропиковъ постъ есть жизнь, а для жителей странъ вѣчныхъ снѣговъ онъ—смерть. Въ странахъ съ климатомъ, подобныхъ нашему (англійскому), постъ въ высшей степени благодѣтеленъ для здоровыхъ и крѣпкихъ лицъ, но въ высшей степени пагубенъ для другихъ, особенно во времена быстрыхъ измѣненій температуры, когда число больныхъ непременно увеличивается. Медицина допускаетъ также, что можно развить въ себѣ привычку къ продолжительному посту. Но она признаетъ, что эта привычка можетъ быть пріобрѣтена не всѣми одинаково: очень многое зависитъ въ этомъ случаѣ отъ того, какимъ организмъ обладаетъ человѣкъ; люди слабые могутъ надломить себя, не достигнувъ такой привычки. Чтобы облегчить постящимся возможность сообразоваться съ вышесказанными условіями, чтобы избавить ихъ отъ необходимости пренебрегать этими условіями изъ-за столкновенія съ совѣстію, авторъ совѣтуетъ предоставить священнику полную власть регулировать постъ своихъ пасомыхъ и освободить отъ поста нѣкоторыхъ изъ нихъ, кого и когда онъ признаетъ нужнымъ. Регулированіе это должно быть предоставлено именно другому, а не каждому самому по себѣ, по мнѣнію автора, потому, что безъ чуждаго руководства постъ можетъ сдѣлаться нерегулярнымъ, а главное потому, что онъ значительно утратитъ свою дисциплинарную силу, если мы привыкнемъ регулировать его сами.

Въ заключеніе записки авторъ коснулся вопроса о постѣ предъ причащеніемъ. Объ этомъ постѣ онъ говоритъ: «я увѣренъ, что всякій, искренно пытавшійся когда либо поститься предъ причащеніемъ, и обладающій весьма умѣренною твердостью, пока онъ будетъ вѣрнымъ сыномъ святой Церкви, никогда не покинетъ этого почтеннаго обычая... Я не сочувствую тѣмъ, которые слишкомъ поспѣшно заключаютъ, что они не могутъ соблюдать этого

обычая. Мы находимъ, что эти же лица не высказываютъ такого безпокойства за прогулку или длинный разговоръ до обѣда, они не жалуются на трудность купанья въ морѣ до завтрака, даже катанья по рѣкѣ или поѣздки для наслажденія прелестнымъ ландшафтомъ, хотя каждое изъ нихъ можетъ быть несравненно болѣе утомительнымъ, чѣмъ присутствіе натошакъ при олтарѣ Божіемъ. Нѣтъ! Обширное большинство людей можетъ посредствомъ усилія воли пересилить испытываемую ими трудность и чрезъ навѣкъ изупраженіе приобрѣсть не только свободу отъ всякаго неудобства, но и положительное удовольствіе въ соблюденіи этого обычая.

(Церков.-обществ. вѣстн.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Инспектора народныхъ училищъ 1-го района Волынской Губерніи.

Честь имѣю покорнѣе просить и ходатайствовать у гг. Благочинныхъ уѣздовъ Житомирскаго Новоградволынскаго и Овручскаго о доставленіи мнѣ не позже 1-го Декабря списковъ церковно-приходскихъ школъ дѣйствительно существующихъ въ настоящее время съ показаніемъ числа учащихся мужеска и женска пола. При семъ честь имѣю пояснить, что отъ своевременнаго доставленія просимыхъ свѣдѣній будетъ зависѣть точность отчета въ Министерство о состояніи церковно-приходскихъ школъ и возможность лучшимъ школамъ дать пособіе изъ суммы 30 т. р. для этой цѣли ежегодно отъ Правительства отпускаемой. Кромѣ того честь имѣю просить гг. Благочинныхъ доставить мнѣ отчеты по расходуванію суммъ отпущенныхъ въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ за 1873-й годъ.

Инспекторъ Народныхъ Училищъ 1-го района Волынской губерніи.

3-й учебный 187½ годъ.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“. 66

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Задача и цѣль журнала «Школьная жизнь» содѣйствовать самообразованію и самовоспитанію учителей элементарныхъ школъ, т. е. сельскихъ школъ, содержимыхъ земствомъ и частными лицами, церковно-приходскихъ школъ, городскихъ начальныхъ школъ, приготовительныхъ классовъ, ротныхъ школъ для нижнихъ чиновъ и школъ для взрослыхъ рабочихъ и выяснять, чрезъ взаимный обмѣнъ взглядовъ и сужденій самихъ учителей элементарныхъ школъ, объемъ и строй обученія, методы обученія.

Программа журнала «Школьная жизнь» была рассмотрѣна особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ отзывѣ его сказано: «разработка этой программы можетъ принести пользу дѣлу начальнаго народнаго обученія».

Педагогическій журналъ «Школьная жизнь» издается по слѣдующей программѣ:

1) Значеніе и задачи элементарной школы въ воспитательномъ, образовательномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, нравственно-религіознаго и патристическаго чувства въ ученикахъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для учениковъ обоего пола. Исторія элементарныхъ школъ у насъ въ Россіи и у другихъ народовъ.

2) Предметы обученія. Методы обученія. Строй обученія. Учебныя пособія. Учебныя матеріалы и принадлежности. Здѣсь будутъ помѣщаться краткія статьи изъ церковной и политической отечественной исторіи, естество-

знанія и закоповѣдѣнія. Къ этимъ статьямъ будутъ прилагаться рисунки. (При этомъ отдѣлѣ предполагается давать иногда особыя приложенія).

3) Біографическіе очерки учениковъ и учителей элементарной школы какъ у насъ въ Россіи, такъ и у другихъ народовъ. Воспоминаніе о школьной жизни членовъ общества.

4) Библіографія. Указаніе книгъ пригодныхъ для элементарной школы.

5) Педагогическая лѣтопись. Всякаго рода современныя извѣстія, касающіяся воспитанія и устройства элементарныхъ школъ въ отечествѣ и за границей. Правительственныя узаконенія и распоряженія по отношенію къ элементарнымъ школамъ.

6) Смѣсь и разныя извѣстія. Здѣсь будутъ помѣщаться свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ государственной жизни и частной, полезныя для учителей элементарныхъ школъ.

7) Объявленія.

Журналъ «Школьная жизнь» выходитъ въ продолженіе учебнаго года т. е. съ 1-го Сентября по 15 Юня еже-недѣльно, кромѣ двухъ съ половиною каникулярныхъ мѣсяцевъ, всего 42 нумера въ учебный годъ.

Цѣна журнала «Школьная жизнь» за 42 нумера четыре рубля съ пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи журнала «Школьная жизнь», по Фонтанкѣ у Семеновскаго моста, домъ № 88, кв. № 24.

Оригинальныя статьи, помѣщенныя въ журналъ «Школьная жизнь», оплачиваются по 5 коп. за печатную строку.

Статьи, корреспонденціи и подписныя деньги просятъ высылать на имя редактора-издателя Николая Петровича Столпянскаго. С.-Петербургъ. По Фонтанкѣ, домъ № 88, кв. № 24.

Поступили въ продажу книги бывшаго сельск. священ.
ныиъ, Кіево-златоверхо-Михайловскаго первокласнаго
монастыря.

І ЕРОМОНАХА

ЕВСТРАТІЯ ГОЛОВАНСКАГО.

1) «Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти
Игумена Воиифатія, основателя и строителя скита *Тео-*
фаніи, принадлежащаго къ Кіево-златоверхо-Михайлов-
скому монастырю».

Въ немъ содержатся:

Его:

1) Біографія; II, Строгая и воздержная жизнь; III,
Борьба съ злыми духами; IV, Примѣрная заботливость
о благолѣпіи храмовъ Божіихъ; V, Благотворительность
и страннопріимство; VI, Безропотное перенесеніе раз-
личныхъ оскорбленій; VII, Кроткая истинно монашеская
келлейная жизнь; VIII, Даръ прозорливости; IX, На-
ставленія; X, Отвѣты на вопросы отъ разныхъ лицъ; XI,
Послѣдствія примѣрной жизни Игумена *Воиифатія*; XII,
Краткое описаніе скита *Теофаніи*; XIII, Завѣщаніе. XIV,
Смерть и погребеніе;

2) Краткія свѣдѣнія о наставникѣ Иг. *Воиифатія*
Иванъ Босомъ, удивительномъ чловѣкѣ юродивомъ, стран.
около 300. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 20 коп.

2) «*Исповѣдь инока (Автобіографія)*». Въ ней содер-
жятся: а) Домашнее и училищное воспитаніе; б) Обѣтъ
Богу въ благочестивомъ дѣлѣ; в) Неисполненіе обѣта г)
Наказанія Божія за неисполненіе обѣта; д) Средства къ
умилостивленію Бога; е) Пастырская дѣятельность священ-
ника въ приходѣ и ж) Нападенія и озлобленія злыхъ
духовъ за исполненіе христіанскаго долга. Въ 8 д. л.
стран. около 200 Ц. 40 коп. съ перес. 50 коп. Изданіе
второе.

3) *Поученія къ простому народу*. Въ 8 д. л. страницъ около 200. Ц. 60 коп., съ перес. 80 к. Изданіе второе.

4) *Пять частей вопросовъ сельскихъ прихожанъ съ отвѣтами на нихъ*, содержащія въ себѣ 1200 вопросовъ, 1009 страницъ. Въ 8 д. л. Ц. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 руб. Изд. второе.

5) *Явленія злыхъ духовъ людямъ въ прошедшее и настоящее время*. Въ двухъ отдѣлахъ. Страницъ болѣе 200, въ 8 д. л. Ц. 60 коп., съ перес. 80 коп. Изданіе второе.

Выше означенныя поученія и 5 частей вопросовъ, Арсеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ признаны *дѣйствительно полезными*, и Министерство Военное признало оныя *полезными*, для Россійскихъ войскъ. Вопросы съ отвѣтами, 1871 г. Редакція журнала «Странника» признала *поучительною книгой*.

Вышеозначенныя книги продаются во всѣхъ кіевск. книж. лавкахъ, въ складѣ книгъ при Редакціи *Кіевск. Народ. Календаря* и у *самаго автора*.

СОДЕРЖАНІЕ: Телеграммы. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1872 годъ. Село Поляхова Заславскаго уѣзда. Некрологи. Мнѣніе Англійскаго врача о постахъ. Объявленія. Отъ Инспектора народныхъ училищъ 1-го района Вольнской губерніи.

№ 18 Вол. Епарх. Вѣд. сланъ на почту 20-го Сентября.

Редакторъ П. Бѣляевъ.
Дозволено цензурою. Кременецъ. 17 Сентября 1874 года.

Печатается въ типографіи Почаевской Лавры.